

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Гербордова биография Оттона, епископа
Вамбургскаго (Продолженіе) А. Петрова.

Исполнитъ Илья Муромецъ у Лунса Де-Ва-
стильо АЛЕКСАНДРА ВЕСИЛОВИ
СКАГО.

Князь Торонекій Мстиславъ Мстиславичъ. В. Вуускула.

Критика и библиографія.

Русскія драматическія произведенія 1672 — 1725 гг. П. Морозова.

Путешествіе по Италіи въ 1876 и 1880 гг. Н. Помыловскаго.

Geologische und physico-geographische Beobachtun-
gen in Olonetz Bergrevier А. Иностранцева.

Richard junior. Het leven von M-r Nicolaus Corne-
lius Witsen (1641—1717). А. Бреннера.

Путешествіе въ Синай въ 1881 году. Изъ путевыхъ
высказаній В. Стахова.

Еще разъ о славянствѣ Гунновъ В. Васильевскаго.

Наша учебная литература П. Колумбуса.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилей
учебной дѣятельности М. С. Буторги В. В.

Работы нашихъ среднихъ и высшихъ учеб-
ныхъ заведеній по рисованію, черче-
нію и моделированію.

В. В. Мавушевъ. (Некрологъ.) АНТОНА ВУДИЛОВИЧА.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

орнаментикѣ", а эта орнаментика была уже не греческая, не римская, а прямо пришлая, новая—восточнаго происхожденія. „Всѣ темы этой орнаментики, нѣкогда созданныя Востокомъ и усвоенныя, Греціей и Равенною, затѣмъ жившія еще и въ V столѣтіи, когда синаяскій подвижникъ Нилъ счелъ нужнымъ возстать противъ этой „дѣтской потѣхи“, съ новою силою выступили теперь въ VIII вѣкѣ“. Орнаментика эта, въ инициалахъ и заставкахъ, состояла изъ рыбъ, птицъ, животныхъ, плетеной тесьмы, суставчатыхъ растительныхъ колѣнцевъ, и, какъ замѣчаетъ профессоръ Кондаковъ, имѣетъ близкое родство съ орнаментикой романскаго періода въ Европѣ. Въ раннее время она перешла изъ сферъ „провинціальныхъ“, собственно народныхъ, въ общее достояніе.

Развитію и доказательству этихъ соображеній профессоръ Кондаковъ посвящаетъ много страницъ своей книги, перебирая одну синаяскую рукопись за другою и сравнивая ихъ то одну съ другою, то со множествомъ византійскихъ, а также сирійскихъ, коптскихъ и армянскихъ рукописей большихъ европейскихъ библиотекъ. Подробностей этого техническаго и многосложнаго разбора мы, конечно, не имѣемъ возможности представить здѣсь, и отсылаемъ любопытныхъ и знатоковъ къ самой книгѣ, удовольствовавшись здѣсь лишь изложеніемъ обширныхъ результатовъ изслѣдованія.

Все это представляетъ матеріалъ новый, никѣмъ еще нетронутый, и вноситъ новыя точки зрѣнія въ исторію византійскаго, а черезъ него, и обще-европейскаго искусства. Такимъ образомъ, поѣздка профессора Кондакова получаетъ совершенно особенное значеніе.

В. Стасовъ.

Еще разъ о иномъ славянствѣ Гунновъ.

Отвѣтъ Д. И. Иловайскому.

Въ декабрьской книгѣ историческаго журнала Русская Старина за прошедшій годъ Д. И. Иловайскій напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Поборники норманизма и тураинзма“, посвященную главнымъ образомъ опроверженію моихъ доводовъ противъ его теоріи славянства Гунновъ, которые изложены были въ видѣ рецензіи на второе изданіе его книги „Розысканія о началѣ Руси“ и появились на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (іюль, 1882). Какъ и слѣдовало ожидать, Д. И. Иловайскій,

признавъ нужнымъ отвѣчать, уже не ограничился одною защитою своихъ идей и методовъ, но предпочелъ перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Онъ не только отвергаетъ все мои возраженія и замѣчанія, но согласно съ поговоркою: „невѣсткѣ на отместку“, въ усиленной степени возводитъ на меня тѣ самыя упреки и обвиненія, которые мнѣ приходилось адресовать ему. Съ одной стороны, даже сильно преувеличивая ядовитость моихъ стрѣлъ или по крайней мѣрѣ моихъ намѣреній, а съ другой — поставивъ себя задачею никакъ не оставаться въ долгу, онъ, конечно, пошелъ очень далеко. Въ его статьѣ есть для меня много неожиданнаго и даже изумительнаго, не смотря на мое близкое знакомство съ его полемическими приемами. Она производитъ на меня такое впечатлѣнiе, что собственно объ истинѣ и правильномъ разрѣшеніи вопроса авторъ заботился весьма мало, а главнымъ образомъ думалъ объ охраненіи своей амбиціи, — нужно именно это слово, такъ какъ на репутацію Д. И. Иловайскаго, какъ русскаго ученаго историка, мы уже совсѣмъ не посягали, — болѣе всего имѣлъ въ виду восторжествовать надъ противникомъ въ виду многолюдныхъ зрителей и во что бы то ни стало. Онъ самъ говоритъ о преломленіи копья, заимствуя свою метафору отъ рыцарской потѣхи, хотя и не особенно строго соблюдая правила честнаго турнира. Отъ потѣхи и ломанія копей, пожалуй, можно было бы уклониться. Мы тѣмъ охотѣе предоставили бы Д. И. Иловайскому послѣднее слово и даже признали бы за нимъ болшую ловкость во владѣнiи оружіемъ, что мы не пытали и не пытаемъ суетной и ложной надежды разубѣдить Д. И. Иловайскаго въ справедливости его теорій, такъ какъ понимаемъ, что тутъ дѣйствуетъ уже не одинъ разумъ, а также самолюбіе и чувство. Съ другой стороны, т. е. во мнѣ самомъ, образовалась также нѣкоторая наклонность встрѣчать съ недовѣріемъ все то, что вновь можетъ быть сказано для поддержки означенныхъ теорій. Признаюсь, я увѣренъ въ томъ, что Д. И. Иловайскому никогда не удастся убѣдить меня въ славянствѣ Гунновъ. Такимъ образомъ, если бы дѣло шло только между нами и касалось только насъ двоихъ, то лучше было бы прекратить споръ. Но, вѣдь, каждый изъ насъ имѣетъ свою публику, Д. И. Иловайскій — несравненно болѣе обширную, чѣмъ я. О той части этой публики, которая не обща для меня съ Д. И. Иловайскимъ, я не особенно много забочусь. Это есть такъ-называемая большая публика, образованные читатели, лишенные всякой возможности провѣрить основанія ученаго спора, составить самостоятельное мнѣніе, принужденные без-

условно довѣрять тому, что имъ настоятельно внушается. Со стороны большой публики будетъ даже хорошо и похвально, если она будетъ вѣрить такому общепризнанному авторитету, какъ Д. И. Иловайскій, поучающій ее начиная со школьной гимназической скамьи. Вся отвѣтственность будетъ падать на учителя. Со стороны Д. И. Иловайскаго тѣмъ болѣе преступно вводить въ заблужденіе свою публику, тѣмъ болѣе она передъ нимъ беззащитна. Публика Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, къ которой мы обращаемся, въ главномъ своемъ составѣ — другаго характера. Если кто изъ среды ея захочетъ провѣрить наши взаимные доводы и ссылки на источники, на греческіе и латинскіе тексты, то конечно, въ состояніи это будетъ сдѣлать. Однако и для тѣхъ, кто заинтересованъ вопросомъ, не всегда легко сдѣлать всѣ нужныя справки, не всегда есть досугъ и удобство, чтобы не торопясь слышать и взвѣшивать обоюдные аргументы. А главное — къ своей публикѣ, какъ уже нами и нашимъ оппонентомъ было сказано, мы причисляемъ молодыхъ историковъ и филологовъ одного университета, къ которымъ намъ приходится обращаться съ предостереженіемъ противъ теорій и особенно противъ метода и приѣмовъ автора „Разысканій“. На насъ теперь будетъ лежать обязанность указывать и на новую статью уважаемаго историка и даже опровергать ее. Задача наша будетъ значительно облегчена и упрощена, если мы выскажемъ, что нужно, въ такомъ видѣ, который остается на всегда и не требуетъ повтореній, то-есть, печатно. — Пропустивъ довольно значительный срокъ времени, достаточно обеспечивающій хладнокровіе и разсудительность, мы постараемся не отвѣчать на выходки Д. И. Иловайскаго, отличающіяся не совсѣмъ ученымъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что инныя изъ нихъ, сверхъ того, не отличаются остроуміемъ и дальновидностію. Мы избираемъ для отвѣта и новой провѣрки, во первыхъ, такія мѣста и такіе пункты, относительно которыхъ Д. И. Иловайскій упрекаетъ насъ въ неточностяхъ, въ неправильномъ толкованіи источниковъ и восторихъ, такія стороны нашей прежней аргументаціи, которыя — можетъ быть, и вслѣдствіе краткости изложенія — остались не понятными со стороны нашего оппонента. При означенной постановкѣ полемиической задачи мы рассчитываемъ на болѣшую возможность достигнуть не только личной цѣли — самозащиты, но и содѣйствовать дальнѣйшему разъясненію вопроса. Разсужденія Д. И. Иловайскаго, подлежащія новому опроверженію, мы постараемся передавать его собственными словами, какъ заботились объ этомъ и прежде, считая такой приѣмъ борьбы

наиболѣе рыцарскимъ и справедливымъ. Читатели, конечно, не поспѣтуютъ на насъ за довольно длинныя извлеченія изъ статьи Д. И. Иловайскаго, потому что во всякомъ случаѣ за ними останется достоинство живаго литературнаго изложенія и любопытной полемической изворотливости.

Въ своей статьѣ, говоря о наружности Гунновъ, мы писали: „Мы видимъ, что старинные авторы, описывающіе наружность Гунновъ, говорятъ либо о полной ихъ безбородости, либо о рѣдкой только бородѣ: очевидно, что фактъ скудной растительности волосъ на лицѣ поразилъ южанъ, видѣвшихъ Гунновъ“.

Вотъ что на это замѣчаетъ Д. И. Иловайскій (Русская Старина, стр. 590):

„Тутъ ссылка на какихъ-то старинныхъ авторовъ не вѣрна; Аммианъ Марцелинъ и Иорнадъ не говорятъ о природной безбородости Гунновъ или скудной растительности волосъ на ихъ лицѣ; а ясно и положительно говорятъ объ ихъ обычаяхъ уничтожить эту растительность посредствомъ глубокихъ надрѣзовъ на лицѣ младенцевъ. Мы видимъ отсюда или стараніе предупредить растительность бороды, или просто обычай брить бороду, и въ этомъ случаѣ опираемся еще на Иорнандова современника Прокопія, который прямо и безъ всякой риторики разказываетъ о гуннской модѣ брить щеки и подбородокъ и подстригать кругомъ голову, оставляя пучекъ волосъ на затылкѣ,—точь въ точь какъ это дѣлали знатные Руссы въ древности. Очевидно, мой противникъ совсѣмъ пропустилъ безъ вниманія это важное свидѣтельство Прокопія, хотя оно приведено въ моей книгѣ (на стр. 519). Свидѣтельство Иорнанда о томъ, что у Гунновъ лицо „ужасающей черноты“, мы объясняемъ, если не крайнимъ его преувеличеніемъ, то искусственнымъ черненіемъ лица для приданія себѣ страшнаго вида“, и т. д.

На это я отвѣчаю: Говоря о томъ, что старинные авторы представляютъ Гунновъ либо совсѣмъ безбородыми, либо имѣющими только рѣдкую бороду, я имѣлъ въ виду ни болѣе, ни менѣе какъ знаменитое и классическое описаніе наружности Аттилы у Иордана. Заявленіе Д. И. Иловайскаго о моей неточности повергаетъ меня въ крайнее недоумѣніе, и я очень желалъ бы, чтобъ онъ взялъ на себя трудъ разъяснить, заглянувъ въ 35-ю главу Иордана, говорится тамъ или нѣтъ, что у Аттилы была рѣдкая борода (*gagus barba*), говорится тамъ или нѣтъ, что наружность Аттилы представляла черты, общія всему его племени. Если у кого, нѣте-

ресующагося дѣломъ, нѣтъ подъ рукою Іордана, то онъ можетъ обратиться къ книгѣ, называемой „Разысканія о началѣ Руси“. Сочиненіе Д. Иловайскаго. Изданіе второе. — На стр. 515 мы тамъ находимъ слѣдующій переводъ Іорданова описанія: „Малый ростъ, широкая грудь, большая голова, маленькіе глаза, рѣдка я борода, волосы съ просѣдью, курносый, смуглый—онъ являлъ черты своего племени“. Д. И. Иловайскій нѣсколько разъ упрекалъ меня въ томъ, что я невнимательно читалъ его книгу. Иной разъ мнѣ кажется, что я посвятилъ ей уже слишкомъ много вниманія и читалъ ее усерднѣе, чѣмъ самъ авторъ. Если я не нашелъ нужнымъ заняться свидѣтельствомъ Прокопія о гуннской прическѣ, то опять-таки это произошло вовсе не отъ того, чтобъ я не замѣтилъ ссылки у Д. И. Иловайскаго на данное мѣсто у Іорданова современника. Совершенно напротивъ. Я могу уважать, что авторъ „Разысканій“ опирается на Прокопія не только на стр. 513, но еще на 198 и 396. Но только это опора очень плохая. Намъ хорошо извѣстно, чего стоятъ ссылки Д. И. Иловайскаго на древнихъ авторовъ, и мы не советуемъ никому, ни даже самому Д. И. Иловайскому, полагаться на нихъ. Здѣсь мы имѣемъ—употребляя выраженіе автора „Разысканій“—одни изъ многихъ примѣровъ отношенія его къ источникамъ, и ради особенной его поучительности, а также изъ уваженія къ настойчивости Д. И. Иловайскаго, мы теперь рѣшаемся остановиться на немъ и сдѣлать то, что прежде могли обойти, какъ нѣчто слишкомъ непріятное, скучное и утомительное. Прокопій вовсе не говоритъ того, что ему приписываетъ авторъ „Разысканій“, а говоритъ именно совершенно противоположное. Приводимъ самые документы:

На стр. 192 „Разысканій“ читается слѣдующее: „Прокопій, говоря о партіяхъ цѣрка, описываетъ ихъ модный костюмъ и прическу, которыя они усвоили себѣ по образцу Массагетовъ и Гунновъ, а извѣстно, что и Гунны, и Массагеты у него означали именно Волгарь. Главныя черты этой моды составляли: оголенные щеки и подбородокъ, подстриженная кругомъ голова съ пучкомъ волосъ на затылкѣ, рукава одежды очень узкія у кисти рукъ и весьма широкія къ плечу, плащи, исподнее платье и разные виды гуннской обуви. *Histor. arсana* с. VII“.

На стр. 396: „А Прокопій еще въ VI вѣкѣ говоритъ, что Гунны-Волгаре имѣли оголенные щеки и подбородокъ, а также подстриженную кругомъ голову съ пучкомъ волосъ на верку“.

На стр. 513 въ примѣчанія: „Современникъ Іордана Прокопій

прямо говорить о гуннской модѣ брить щеки и подбородокъ и подстригать кругомъ голову, оставляя пучекъ волосъ на затылкѣ". Наконецъ, въ четвертый разъ Д. И. Иловайскій ссылается на Прокопія въ вышеприведенномъ отрывкѣ своей полемической статьи.

Слѣдуетъ теперь самый подлинный текстъ Прокопія (Procop. ex recensione Dindorf, III, 47, 48). Καὶ πρῶτα μὲν τοῖς στασιώταις τὰ ἐς τὴν κόμην ἐς νεώτερον τινα μεταβέβλητο τρόπον. ἀπεχείροντο γὰρ αὐτὴν οὐδὲν ὁμοίως τοῖς ἄλλοις Ῥωμαίοις. τοῦ μὲν γὰρ μύστακος καὶ τοῦ γενείου οὐδαμῆ ἤπτοντο, ἀλλ' αὐτοῖς κατακομῶν ἐπὶ πλείστον ὥσπερ οἱ Πέρσαι ἐς αἰὶ ἤθελον. τῶν δὲ ἐν τῇ κεφαλῇ τριχῶν τὰ ἔμπροσθεν ἄχρι ἐς τοὺς κροτάφους ἀποτεμόμενοι τὰ ὀπίσθεν ἀποκρέμασθαι σφίσι ἐπὶ μακρότατον λόγφ οὐδενὶ εἶων, ὥσπερ οἱ Μασσαγῆται, διὸ δὴ καὶ Οὐννικὸν τὸ τοιοῦτον εἶδος ἐκάλου.

По русски это значить:

„Тогда именно среди приверженцевъ этой партіи способъ ношенія волосъ измѣнился по новому. Они стали стричь ихъ совсѣмъ не такъ, какъ другіе Римляне. Именно они совсѣмъ не касались верхней губы и подбородка (усовъ и бороды), но предоставляли волосамъ расти на нихъ съ полною свободою, какъ это въ обычаѣ у Персовъ. Вѣсто того они обрѣзывали волоса на головѣ спереди до висковъ, а сзади опять оставляли висѣть ихъ длиннѣйшими косами безъ всякой надобности, какъ это дѣлаютъ Массагеты. Эта мода называется по-этому гуннскою“.

Ни въ вѣрности чтенія въ подлинникѣ, ни въ вѣрности нашего перевода сомнѣнія быть не можетъ. Приведенное мѣсто Прокопія можно также найти у лексикографа Свиди подъ словомъ ἀκόνια; Д. И. Иловайскому ми совѣтуемъ прочитатъ тамъ старшій латинскій переводъ отрывка, несравненно болѣе вразумительный и ясный, чѣмъ плохой переводъ Бонискаго изданія, заутанный и тяжелый. Для облегченія его и другихъ ми, впрочемъ, выписываемъ здѣсь первый:

Ἀκόνια. Homines injuriis lacessiti ad desperatam audaciam redigi solent, quod et Venetis sub Iustiniano accidit. Et primum quidem factiosi novam quandam capillorum ornandorum rationem excogitarunt, et genere tonsurae ab alijs prorsus diverso uti coeperunt. Nam mystacem et barbam intonsam sinebant, eamque, more Persarum, prolixissimam alebant. Capillos vero anteriores usque ad tempora detondentes, posteriores quam longissimos more Massagetorum, temere sibi dependere sinebant. Quare hanc habitum Hunnicum appellavere.

Кажется, вполне ясно, что Прокопія совсѣмъ не приписываетъ

Гуннамъ (Волгарамъ) обычая брить бороду и усы, а скорѣе заставляютъ думать, что они имѣли растительность и на верхней губѣ, и на подбородкѣ. Сама по себѣ ошибка Д. И. Иловайскаго принадлежитъ къ простительнымъ. Она произошла отъ того, что авторъ „Разысканій“, или тотъ, у кого онъ заимствовалъ свою ссылку на Проконія, вмѣсто греческаго текста обратился къ латинскому переводу Н. Алеманна. Тамъ читается слѣдующее: „*nam mento et alis intonsis, quae Persarum more prolixè lubebat promittere, sicut capillitio ad tempora usque nudantur*“ и т. д. Въ лексиконахъ на бѣду, кромѣ употребительнаго причастія *intonsus* съ отрицательнымъ значеніемъ, помѣщается также и рѣдко встрѣчающійся глаголъ *intondeo* съ положительнымъ значеніемъ. Но слѣдуетъ быть внимательнѣе и осторожнѣе, а также нѣсколько прислушиваться къ голосу собственного сознанія, который, конечно, каждому ученому указываетъ его слабую сторону; особенно такъ поступать слѣдуетъ, выступая съ обвиненіями противъ другихъ—притомъ предъ публикою, лишею всякой возможности различать ложь отъ истины и обязанной на слово вѣрить рѣчамъ обвинителя. Да и для собственной пользы Д. И. Иловайскому не имѣло бы вреда отъ времени провѣрять свою книгу по ссылкамъ, которыя въ ней дѣлаются на источники, и прочитывать длинные тексты.

Привожу цѣликомъ другую обличительную тираду, направленную противъ меня Д. И. Иловайскимъ:

„Извѣстны три слова, приводимыя источниками по поводу Гунновъ: камось, медъ и страва. Въ камось нѣкоторые видѣли квась. Я слегка упоминаю объ этомъ словѣ, отнюдь не настаивая, чтобы это былъ непременно квась, а настаивая только, что это не былъ кумысъ. Мой противникъ пространно доказываетъ, что камъ не былъ ни квась, ни кумысъ. Въ своихъ положеніяхъ, сгруппированныхъ для диспута, я поставилъ медъ и страву, а камось пропустилъ. Ясно, кажется, что этому слову я не придаю никакого значенія въ системѣ своихъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, по поводу этихъ положеній мой противникъ опять ставитъ мнѣ на видъ камось (171). За то о медѣ онъ отзывается очень кратко, въ родѣ того, что „его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить Кельтамъ“, и что вмѣстѣ съ камомъ медъ „не имѣетъ никакого отношенія къ Гуннамъ“. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ отношенія В. Г. Васильевскаго къ источникамъ. Историческій свидѣтель говоритъ о существованіи у Гунновъ напитка, называвшагося медъ; а новѣйшій толкователь заявляетъ, что это

вздоръ, потому что еще прежде Гунновъ въ Панноніи жили Кельты; а въ кельтскомъ словарѣ Кормака встрѣчается-моль слово *mid* и *med*. (150—151). Не мѣшаетъ прибавить къ этому, что медь, какъ напикъ, былъ въ употребленіи еще у Скивовъ (см. Укерта, *Skut.* 299); слѣдовательно, отнимать его у Гунновъ нельзя никакимъ образомъ. Но всѣ эти quasi-научные приемы моего противника сущіе пустяки сравнительно съ тѣмъ, что онъ говоритъ о стравѣ. Иорнандъ прямо и положительно сообщаетъ, что Гунны называютъ свое погребальное пиршество страва. Простому, здравому смыслу показалось бы, что тутъ никакіе споры не возможны. Но они оказываются возможными для такихъ ученыхъ толкователей, какъ мой противникъ. Для этого онъ только приводитъ мѣсто изъ комментаріевъ Лактанція Плагиды, мѣсто, подтверждающее Иорнанда; но тутъ же не совсѣмъ точно его переводитъ. Лактанцій говоритъ, что для сожженія трупа воздвигался костеръ изъ непріятельскаго и своего оружія, и что этотъ обрядъ погребенія (*ritum sepulturae*) варвары на своемъ языкѣ называютъ *strabas*. Новѣйшій толкователь поясняетъ, что страба тутъ значить не обрядъ погребенія вообще, а костеръ, обрядъ сожженія. Для чего же пужно такое толкованіе? „Это“, отвѣчаетъ толкователь, „даетъ возможность нѣмецкимъ ученымъ производить *strabam* Иорнанда отъ готскаго глагола *straujan* (разстилать, распространять), то-есть, слово страва считать заимствованнымъ у Готовъ (151). Какъ видите, натяжка и путаница въ объясненіи выходитъ ужасная. Такимъ образомъ слово, которое при суммѣ другихъ доказательствъ, можно сказать, имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о народности Гунновъ, вычеркивается произвольно и безъ всякихъ разсужденій, вопреки ясному, положительному смыслу источника. При семъ мое указаніе на все невѣроятіе того, чтобы чужимъ, заимствованнымъ словомъ назывался такой важный обрядъ, каковымъ у языческихъ народовъ было погребеніе, мой противникъ, по обычаю, обходитъ молчаніемъ. Въ своихъ „Разысканіяхъ“ я сказалъ это (стр. 550) по поводу того, что г. Гротъ, ученикъ В. Г. Васильевскаго, считаетъ слово страва заимствованнымъ Гуннами у Славянъ. Но, какъ видите, учитель пошелъ дальше ученика (обыкновенно, бываетъ наоборотъ) и признаетъ это слово уже не славянскимъ, а готскимъ. „Нужно ли предполагать заимствование Славянами слова страва отъ Готовъ — мы не знаемъ“, кратко и скромно добавляетъ онъ. Итакъ, не играющему никакой роли въ моихъ доказательствахъ калосу гораздо болѣе посчастливилось въ комментаріяхъ моего противника, нежели такому важному и основ-

ному факту, какъ свидѣтельство Юрнанда о гуннской stravъ. Да, надобно имѣть положительную и предвзятую ненависть къ самой мысли о славянствѣ Гунновъ, чтобы прибѣгать къ такимъ произвольнымъ выводамъ и къ такимъ вопиющимъ натяжкамъ, какъ отрицаніе славянскаго слова stravа и его производство прямо отъ готскаго *straujan*“.

Все это написано очень ловко и бойко; тому, кто не читалъ самой статьи моеѣ, и кто не возьметъ ея въ руки для сопоставленія съ легкими и живыми строками Русской Старины, все это должно казаться крайне справедливымъ и основательнымъ. На самомъ дѣлѣ справедливости и основательности тутъ весьма мало. Вотъ что я отвѣчаю на патетическую тираду Д. И. Иловайскаго.

Что касается до камоса или кама, то со стороны изслѣдователя гуннскаго вопроса, вмѣсто всякаго иронизированія, что этому слову посчастливилось и т. п., было бы великодушнѣе и приличнѣе прямо и откровенно, а не между строкъ, высказать свое согласіе на мое толкованіе и просто поблагодарить меня за то, что я впервые въ русской литературѣ указалъ истинное значеніе сего рѣченія. Правда, что въ одной книгѣ, написанной въ Россіи, но по нѣмецки и вышедшей за границу (Hehn, Kulturpflanzen), Д. И. Иловайскій могъ бы уже найти надлежащее толкованіе, хотя и не всѣ у меня приведенныя мѣста, указывающія на исконное употребленіе этого слова жителями Панноніи помимо всякихъ Гунновъ и Славянъ. Однако Д. И. Иловайскій продолжалъ толковать о квасѣ. Не онъ придумалъ этотъ квасъ, равно какъ и кумысъ не отъ него ведетъ свое начало; не одного его мы имѣли въ виду, пространно доказывая, что камосъ или камъ Приска не есть ни квасъ, ни кумысъ. На счетъ пункта, относительно котораго ошибались Шафарикъ, Гильфердингъ, Дриновъ и др., позволительно было распространиться, если бы даже я и могъ предвидѣть со стороны Д. И. Иловайскаго заявленіе, что онъ не придаетъ ему никакого значенія. Я имѣлъ въ виду не одни только положенія, сгруппированныя для извѣстнаго диспута, но и вообще книгу Д. И. Иловайскаго; а въ ней, на стр. 518, читается: „Прискъ приводитъ такіа слова, которыя указываютъ на Славянъ. А именно: медосъ, то-есть, медъ, который туземцы употребляли вмѣсто вина, и камосъ, питье варваровъ (Гунновъ), добываемое изъ ячменя. Сіе послѣднее есть, вѣроятно, не точно переданное слово квасъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а навакъ не кумысъ, который готовится изъ кобыльаго молока,

а не изъ ячменя" ¹⁾. Какъ здѣсь, такъ и въ самомъ подлинникѣ, слова медъ и камъ стоятъ рядомъ, такъ что судьба одного очень много зависитъ отъ судьбы другаго. Если камъ, приписанный въ подлинномъ текстѣ варварамъ, то-есть, по видимому Гуннамъ, оказывается древне-паннонскимъ или еракійскимъ словомъ, то тѣмъ скорѣе должно и можно заподозрить принадлежность собственно Гуннамъ слова медъ, приписаннаго и въ подлинникѣ туземцамъ. Въ этомъ только смыслѣ мы и напомнили о камѣ и квасѣ по поводу меда, формулируя свои отвѣты на положенія Д. И. Иловайскаго. Въ этомъ смыслѣ, очевидно, совсѣмъ даже и нельзя не придавать слову камъ значенія въ сколько-нибудь правильной системѣ доказательствъ. При чтеніи строки вышеприведеннаго отрывка, относящихся собственно къ меду или медосу, невольно приходится покачать головою. Если бы это было въ личной устной бесѣдѣ, то мы просто сказали бы: Дмитрій Ивановичъ, побойтесь же Бога, и почитайте Приска, на котораго вы такъ часто ссылаетесь. Вы пишете: „Историческій свидѣтель говорить о существованіи у Гунновъ напитка, называвшагося медъ, а новѣйшій толкователь заявляетъ, что это вздоръ“. Но гдѣ же у меня употреблено слово „вздоръ“? Хотя и были нѣкоторые къ тому поводы, но выраженіе это ни разу не встрѣчается въ моей статьѣ. А главное: гдѣ же у Приска сказано, что именно Гуннамъ принадлежалъ напитокъ, называвшійся медомъ? Долженъ ли я думать, что на стр. 518, въ мѣстѣ, сейчасъ приведенномъ, вы только случайно и помимо собственнаго сознанія правильно сказали о принадлежности меда туземцамъ, довольно точно на тотъ разъ передавая смыслъ источника? Съ своей стороны полагая, что пишу для людей знакомыхъ съ дѣломъ, я въ рецензіи на книгу Д. И. Иловайскаго не считалъ нужнымъ приводить такіе тексты, которые мнѣ казались общедоступными и общезвѣстными и довольствовался намекомъ и указаніемъ. Теперь приходится сдѣлать выписку изъ подлинника.

ἐχρητύωυτο δὲ ἡμῖν κατὰ χώρας τροφαί, ἀντί μὲν αὐτοῦ χεύχρος, ἀντί

¹⁾ Д. И. Иловайскій вслѣдъ за вышеприведенными словами прибавляетъ, «вообще во всѣхъ известіяхъ о Гуннахъ нѣтъ и помину объ этомъ любимомъ татарскомъ напиткѣ» (Разысканія, стр. 518). Писателю, принимающему тожество Гунновъ и Болгарь, можетъ быть, не слѣдовало бы выражаться съ такою рѣшительностію, если только ему известны слова Еннодія въ панегирикѣ Теодориху, сказанныя о послѣднихъ: *credunt satis esse ad delicias equinī pecoris lac potare.*

δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος. Ἐχομίζοντο δὲ καὶ οἱ ἐκόμμενοι ἡμῶν ὑπερέταί τευχεύον καὶ τὸ ἐκ χρυθῶν χορηγούμενον κόμα κάμων οἱ βάρβαροι καλοῦσιν αὐτό (Dindorf, *Historici graeci minores* 1,300).

То-есть: „По селамъ намъ доставляли въ пищу вмѣсто пшеницы просо, вмѣсто вина такъ-называемый по туземному медось (медъ), а слѣдующіе за нами слуги получали равнымъ образомъ просо и напитокъ, добываемый изъ ячменя: варвары называютъ его камомъ“.

Для собственной защиты и для показанія, въ какому роду полемики прибѣгаетъ нашъ уважаемый ученый, собственно говоря, довольно было бы привести эти слова: ясное дѣло, что историческій писатель не говоритъ о существованіи именно у Гунновъ напитка, называемаго медомъ, и слѣдовательно, доискиваться—кого онъ разумѣетъ подъ варварами и людьми, говорившими туземнымъ языкомъ, уже никакъ не значитъ объявлять его слова выдоромъ, а напротивъ, значитъ относиться къ нимъ съ подобающимъ вниманіемъ.

Оставляя въ сторонѣ неумѣстную выходку, будемъ разсуждать далѣе уже по самому существу вопроса, такъ какъ оказывается, что вещи простыя и ясныя—не для всѣхъ специалистовъ ясны и просты.

Всякому, кто даже только поверхностнымъ образомъ читалъ Приска, въ подлинникѣ, или въ переводѣ,—должно быть извѣстно, что этотъ умный наблюдатель напелъ въ равнинѣ Паннонской не однихъ только Гунновъ, что онъ въ составѣ народонаселенія, подвластнаго Гуннской державѣ, различалъ нѣсколько племенныхъ элементовъ—даже въ области своихъ непосредственныхъ наблюденій, и что поэтому нельзя безъ всякаго ближайшаго разсмотрѣнія прямо отождествлять выраженія: туземцы, варвары, Скиемъ съ выраженіемъ Гунны. А ргіогі довольно естественно предполагать, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о селлахъ, о воздѣлываніи проса и ячменя, разумѣется уже не собственно Гунны, признаваемые кочевниками и въ лицѣ Волгаръ долго сохранявшіе такой бытъ, а какіе-нибудь другіе элементы населенія. Какіе же именно элементы? На основаніи словъ камъ, объясняемаго квасомъ, и особенно на основаніи слова медъ, считаемаго исключительно славянскимъ, прежніе исследователи съ Шафарникомъ во главѣ утверждали, что это были славянскіе элементы, уцѣлѣвшіе здѣсь неприкосновенно или же въ видѣ остатковъ отъ временъ глубочайшей древности, такъ какъ предполагалось, что Паннонія и при-Дунайскія области были исконнымъ мѣстожительствомъ Славянскаго племени, только въ позднѣйшія времена оттѣс-

неннаго отсюда Кельтами. Но теорія эта признана теперь несостоятельною, всѣми оставлена, и даже Д. И. Иловайскій не является ревностнымъ ея защитникомъ. Туземное исконное населеніе Панноніи, повторяемъ, состояло изъ двухъ элементовъ — старо-иллирскаго, родственнаго съ нынѣшнимъ албанскимъ, и кельтскаго, утвердившагося здѣсь въ IV вѣкѣ до Р. Х., и затѣмъ, въ позднѣйшую эпоху подвергшагося нѣкоторой романизации. Если бы даже кто вновь вздумалъ настаивать на стародавнемъ присутствіи здѣсь Славянъ, то этимъ, конечно, онъ еще не уничтожалъ бы силы и значенія позднѣйшаго факта, не подлежащаго ни малѣйшему сомнѣнію и заключающагося въ преобладаніи и господствѣ Кельтовъ. Слова, относящіяся къ земледѣльческому быту, во всякомъ случаѣ должны принадлежать не Гуннамъ, а либо смѣшанному иллюро-кельтскому населенію, либо Славянамъ, всего вѣрнѣе первому. Съ другой стороны, если мы обратимъ ближайшее вниманіе на этнографическія выраженія Приска, на терминологию, которою онъ пользуется для обозначенія племенъ и народностей, ему современныхъ, то прійдемъ къ выводу, вполне согласному съ логикой уже извѣстныхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, мы находимъ, что никто еще не изучалъ драгоценныхъ отрывковъ Приска такъ, какъ они этого заслуживаютъ; всего менѣе можно было ожидать этого со стороны Д. И. Иловайскаго, который обыкновенно считаетъ излишнимъ изучать въ цѣлости тѣ источники, которыми онъ пользуется, и кромѣ своихъ умствованій, пока еще ни одной юты не прибавилъ къ тому, что давно было извѣстно. Вслѣдствіе своей привычки пользоваться вполне готовымъ матеріаломъ, оставляя себѣ только мнимо-высшее разумѣніе его — при свѣтѣ теорій, тоже, впрочемъ не совсѣмъ новыхъ, — онъ не замѣтилъ даже той важности, какую имѣло для него сдѣланное мною указаніе на Зосима и Евнапія и на то, что уже въ V вѣкѣ по Р. Х. существовали два взгляда на происхожденіе Гунновъ. „Онъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, приводитъ два взаимно противорѣчащія показанія Зосима“, выражается обо мнѣ нашъ удивительный исследователь (стр. 598), не любящій, чтобы ему напоминали объ источникахъ, изъ пропущенныхъ. По одному изъ взглядовъ, которыхъ попеременно держался Евнапій, жившій въ самомъ началѣ V вѣка, Гунны были потомками извѣстнаго отдѣла большаго Скинскаго племени, именно такъ-называемыхъ Царскихъ Скивовъ. При чтеніи сколько-нибудь внимательномъ оказывается, что Прискъ держался того же самаго взгляда: большая находка для Д. И. Иловайскаго, и несомнѣнно, значеніе ея

часть ССКХVI, отд. 2.

было бы имъ даже преувеличено, еслибъ она тоже попала въ руки на ранѣ проторенной дорогѣ. Довольно часто, для обозначенія собственно Гунновъ, Прискъ употребляетъ синонимическія выраженія Царскіе Скины; въ самомъ началѣ его отрывковъ являются на сцену послы Аттилы, не желающіе слѣзть съ коня даже во время переговоровъ съ Римлянами: это суть Царскіе Скины; самъ Аттила принадлежитъ къ Царскимъ Скинамъ (Prisci fragm. Dindorf, p. 292). Совершенно послѣдовательно выраженія Скины, безъ ограничительнаго опредѣленія, и варвары имѣютъ у Приска гораздо болѣе обширный смыслъ: они обозначаютъ всю массу населенія, входившаго въ составъ Гуннской державы, совокупность всѣхъ племенъ, встрѣчавшихся въ Панноніи, и хотя они не исключаютъ собственныхъ Гунновъ, но сообразно съ существомъ дѣла, то-есть, съ преобладающею численностію, всего болѣе относятся къ старому туземному населенію, которое не имѣетъ у Приска своего особеннаго и спеціальнаго названія. Съ этой точки зрѣнія вполне понятно известное мѣсто Приска, съ которымъ довольно трудно было справиться Д. И. Иловайскому—въ его „Разысканіяхъ“ (стр. 517): „Скины, будучи сборище разныхъ народовъ, сверхъ собственнаго варварскаго языка, охотно употребляютъ языкъ Гунновъ или Готовъ или же Авзоніевъ“. Здѣсь мы имѣемъ очень обыкновенное у классическихъ писателей явленіе, что слово, обозначающее субъектъ двухъ рядомъ стоящихъ предложений, принимается одновременно и въ болѣе обширномъ, и въ частномъ его значеніи: ¹⁾ въ придаточномъ предложеніи Скины—всѣ племена, подвластныя Аттилѣ, съ Гуннами и Готами; въ главномъ предложеніи Скины—старое мѣстное населеніе безъ пришлыхъ Гунновъ и Готовъ; оба послѣдніе народа, по причинѣ совершенно понятной, выдѣляются изъ массы остальныхъ Скиновъ или варваровъ и языкъ варварскій противопоставляется языку Гунновъ. Еще яснѣе смыслъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ говорится о туземцахъ и о туземномъ; сомнѣваться, что они относятся къ древ-

¹⁾ Для избежанія какихъ-либо недоразумѣній замѣчаемъ, что въ греческомъ подлинникѣ въ данномъ предложеніи собственно нѣтъ слова Скины, но оно совершенно правильно заимствуется русскимъ переводчикомъ (Г. С. Дестунисомъ) изъ предидущаго и что, сверхъ того, слова Приска о обродности скинскаго населенія могутъ быть объяснены—хотя уже съ нѣкоторою натяжкою, даже и въ томъ случаѣ, если мы въ обоихъ случаяхъ подъ скинами будемъ разумѣть только туземцевъ и староміровъ: стоитъ только припомнить двойственный илипрокательскій составъ стариннаго населенія Панноніи.

нѣйшему до-гуннскому населенію Панноніи, можетъ развѣ только тотъ, кто рѣшится утверждать, что до прибытія сюда Гунновъ вообще не было здѣсь никакого населенія.

Теперь мы еще разъ приглашаемъ нашего оппонента прочитатъ тѣ прежде приведенныя слова Приска о медѣ и камѣ, и конечно, не закрывать себѣ добровольно глаза и уши. У Приска было сказано, что слово камъ употребляли варвары. Смыслъ выраженія варвары тамъ тотъ же самый, какъ и въ только что объясненномъ отрывкѣ о языкѣ Скиновъ, гдѣ варварскій языкъ не есть языкъ гуннскій или готскій; затѣмъ, положительное значеніе слова варвары еще ближе опредѣляется выше стоящимъ нарѣчіемъ по туземному, относящимся, конечно, къ той же мѣстности и къ тому же самому земледѣльческому крестьянскому населенію, гдѣ употреблялся и камъ. Вотъ еслибы дѣйствительно было сказано, что камомъ угощали спутниковъ Приска Гунны или же Царскіе Скины, то было бы другое дѣло, и Д. И. Иловайскій имѣлъ бы нѣкоторое право обращаться къ намъ съ упреками... Въ своей прежней статьѣ я не считалъ нужнымъ останавливаться на подобныхъ соображеніяхъ, потому что мною былъ избранъ другой, простѣйшій и прямѣйшій путь къ истинѣ, заключающійся въ разборѣ двухъ словъ, сообщенныхъ Прискомъ. Послѣ того, какъ мною указаны были три случая, доказывающіе употребленіе слова камъ или камось именно въ Панноніи, и притомъ въ III вѣкѣ по Р. Хр., ранѣе всякихъ слуховъ о Гуннахъ, кажется, и Д. И. Иловайскій, хотя молча, согласился, что не можетъ быть болѣе рѣчи ни о принадлежности этого выраженія гуннскому языку, ни о толкованіи его славянскимъ квасомъ. Но если такъ, если даже слово, приписанное варварамъ, оказывается мѣстнымъ паннонскимъ, то тѣмъ болѣе паннонскимъ должно оказаться выраженіе, прямо отнесенное къ туземцамъ. Вѣдь медъ называли медомъ въ тѣхъ же самыхъ селахъ тѣ же самые люди, которые еще отъ своихъ предковъ наслѣдовали слово камъ. Я вовсе не думалъ утверждать, что слово медъ принадлежитъ исключительно Кельтамъ; я не могъ забыть ни славянскаго меда, ни нѣмедкаго напитка, также называемаго Meth; я прямо замѣтилъ, что оно обще для Славянъ, Германцевъ и Кельтовъ (стр. 171), что оно можетъ считаться общою принадлежностію многихъ индо-европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ иллирскаго или еракійскаго (стр. 151); кельтскій mid или med былъ для меня важнѣе всего только потому, что вѣдь и въ населеніи Панноніи преобладали Кельты... Развѣ это отвергаетъ Д. И. Иловайскій? Мы точно

также хорошо знали, что медъ былъ въ употребленіи у Скивовъ: въ книгѣ Гена приведены относящіяся сюда свидѣтельства; мы не желаемъ даже обижать Гунновъ Д. И. Иловайскаго и охотно допустимъ, что и они пили медъ. Но дѣло не въ предметѣ, а главнымъ образомъ въ названіи. Пусть Скивы пили медъ, но никто въ мірѣ, кромѣ Д. И. Иловайскаго, не можетъ съ увѣренностію сказать, что они и называли его именно медомъ.

Остается еще страва, о которой тоже приходится сказать нѣсколько словъ. Здѣсь позиція Д. И. Иловайскаго гораздо прочнѣе и выгоднѣе. Но зачѣмъ же тогда пужно было начинать рѣчь о стравѣ обвиненіемъ меня въ томъ, будто я неточно перевелъ мѣсто Лактанція Плацида. „Мой противникъ... приводитъ мѣсто изъ комментаріевъ Лактанція Плацида: но тутъ же не совсѣмъ точно его переводитъ“. Это обвиненіе несправедливо уже въ томъ отношеніи, что у меня совсѣмъ нѣтъ никакого перевода. Имѣя въ виду свою публику, я счелъ возможнымъ ограничиться однимъ приведеніемъ латинскаго текста, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ взглянуть на стр. 151 Журнала Мин. Нар. Просв. за іюль 1882 года. Что касается самаго существа дѣла, то конечно, отъ Д. И. Иловайскаго еще менѣе можно было въ данномъ случаѣ ожидать, что онъ вѣрно передастъ мою мысль, хотя къ этому обязывали его даже благодарность за указаніе прежде не извѣстнаго ему Лактанція Плацида. Лактанцій Плацидъ говоритъ, что для сожженія трупа воздвигался костеръ изъ непріятельскаго (и своего) оружія, и что этотъ обрядъ погребенія варвары на своемъ языкѣ называютъ *strabas*. Надѣмся, что на такое толкованіе латинскаго текста нашъ оппонентъ ничего не возразитъ, потому что мы его беремъ у него самого, отмѣтивъ только слово „своего“, котораго, конечно, нѣтъ въ подлинникѣ, и которое должно быть пропущено. Какъ бы то ни было, именно этотъ обрядъ погребенія, характеризуемый устройствомъ костра, назывался *страбой* или *стравой*; такъ какъ тутъ не заключается никакого указанія на погребальный пиръ или ѣду, то и нѣтъ основанія объяснять приведенный терминъ непременно славянскою *стравою*, которая означаетъ именно пищу, ѣду, или въ лучшемъ случаѣ—погребальное пиршество (*victus, cibus, epulum funebre*). Слова пока совпадаютъ только по звукамъ, но не совпадаютъ по значенію; слѣдовательно, толкованіе, предлагаемое нашими учеными, знающими *страву* только по Іордану, перестаетъ быть принудительнымъ и обязательнымъ въ той степени, какъ это имъ казалось. Вотъ какой

смыслъ имѣли наши замѣчанія, которыми мы сопровождали цитату изъ Лактанція Плацида, и которыя, конечно въ довольно искаженномъ видѣ, переданы Д. И. Иловайскимъ. Ему кажется, что Лактанцій подтверждаетъ Иордана. Онъ, конечно, не взялъ на себя труда справиться и сказать что-нибудь о времени, когда жилъ и писалъ этотъ комментаторъ Стація; между тѣмъ въ данныхъ обстоятельствахъ чрезвычайно важно знать, имѣетъ ли замѣтка Плацида самостоятельное значеніе, или же только представляетъ извлеченіе изъ Иордана. Въ первомъ случаѣ не будетъ даже никакой нужды подъ варварами разумѣть Гупновъ, а не Готовъ, на примѣръ; во второмъ случаѣ—страннымъ окажется то противорѣчіе, что у Иордана нѣтъ упоминанія о кострѣ, равно какъ не предполагается никакой нужды въ немъ, ибо трупъ (*cadaver*) Аттилы зарывается въ землю... Нужно, однако, замѣтить, что Иорданъ сообщаетъ намъ не полное описаніе обряда, очевидно, довольно сложнаго; онъ самъ оговаривается, что онъ представить изъ многого только не многое: *cujus manes quibus a sua gente honoratae sunt, pauca de multis dicere non omittamus*. Послѣ того какъ торжественно выставленный трупъ Аттилы былъ оплаванъ приведенною у Иордана похоронною пѣснью, они „празднуютъ надъ его курганомъ громаднымъ пиромъ такъ-называемую у нихъ страву“. *Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant*. Относительно этихъ словъ Иордана мы и теперь готовы повторить то, что написали въ рецензій на книгу Д. И. Иловайскаго. Здѣсь у Иордана слово стравъ какъ будто приданъ такой смыслъ, что оно соответствуетъ латинскому *commessatio*, и слѣдовательно совпадаетъ съ обще-славянскою стравою. Но самое строгое безпристрастіе требуетъ прибавить, что такъ представляется дѣло лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть въ виду одного Иордана, самаго по себѣ. Попытка согласить его слова съ отрывкомъ Лактанція Плацида должна быть также признана совершенно законною; а равнымъ образомъ точный грамматическій и логическій смыслъ вышеприведенныхъ строкъ допускаетъ и такое толкованіе, что пиръ только сопровождалъ какое-то другое дѣйствіе или другую часть похороннаго обряда, называемую именно стравою. Возможно, что на курганѣ все-таки устроивался костеръ—если не для сожженія трупа, то для сожженія другихъ вещей; возможно, что сюда приносился и здѣсь ставился царскій одръ или погребальная постель. Этому послѣднему предположенію всего лучше соответствовало бы толкованіе слова стравъ, предлагаемое нѣмецкими учеными. Вслѣдъ за Гриммомъ и

другими учеными, производя страву отъ готскаго *straujan*, *strawwōnāt*, Милленгофъ въ новѣйшемъ Моммзеновомъ изданіи *Iordana* пишетъ: *Viri germanice docti, Gabelentz et Loebe in glossario Gotico s. v. straujan, Jac. Grimm Kl. Schr. 3, 135; Muellenhof in programmate de poesi chorica p. 27 derivant a vocabulo Gothico straujan strawwōnāt, ut significet feretrum regium Attalicis constratum.* Далѣе не безъ основанія прибавляетъ онъ, что о славянской стравѣ и потому нельзя думать, что Славяне являются въ тѣхъ странахъ гораздо позднѣе, а между тѣмъ извѣстно, что при дворѣ Аттилы и вообще въ его державѣ, кромѣ латинскаго, употреблялся готскій языкъ; имена его приближенныхъ, даже самаго Аттилы звучатъ по-готски. Во всякомъ случаѣ, Д. И. Иловайскій можетъ убѣдиться, что словечко *страда* имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ для народности Гунновъ развѣ только для него одного, что оно нами вычеркивается не произвольно и не безъ всякихъ разсужденій. Что же касается невѣроятія того, чтобы чужимъ заимствованнымъ словомъ назывался такой важный обрядъ, каковымъ у языческихъ народовъ было погребеніе, и жалобы, что я такой аргументъ оставилъ безъ опроверженія, то отвѣтъ на это очень простъ и едва ли не могъ быть сдѣланъ всякимъ безъ моего содѣйствія. Я, конечно, думаю, что собственные Гунны даже и произносить не могли такого слова, какъ *страда*, и что они имѣли для своего обряда свое особенное названіе, въ родѣ тоже неяснаго Менандрова *дохія*, но только оно не дошло до насъ, потому что *Iordana*, или *вѣриѣ*, *Прискъ*, которому онъ слѣдуетъ, сообщили намъ вмѣсто турецкаго готское названіе обряда. Со *стравою* могло случиться то же самое, что и съ *камомъ*. Долго были убѣждены почти всѣ ученые, что варвары, которымъ приписанъ *Прискомъ камъ*, суть собственные Гунны, а теперь оказалось, что подъ ними просто разумѣется населеніе мѣстное, подвластное Аттилѣ. Въ славянствѣ *кама* Д. И. Иловайскій былъ убѣжденъ точно также, какъ и въ славянствѣ *страда*; но теперь оказалось, что *камъ* совсѣмъ не то, что славянскій квасъ. Когда *Прискъ* говорилъ о варварахъ или Скивахъ, то онъ не отличалъ при этомъ разныя составныя части Паннонскаго населенія, и могъ не отличать—сознательно или бессознательно, все равно—словъ готскихъ отъ чисто-гуннскихъ. *Iordanovsi* вовсе не имѣетъ той важности и даже того смисла, которые придаетъ ему Д. И. Иловайскій. Если бы даже его слѣдовало переводить не мѣстоименіемъ они, а сами, то и тогда мы имѣли бы право дополнять: сами варвары и т. п.

Приводимъ въ заключеніе слишкомъ даже длиннаго разсужденія о стравѣ слѣдующее замѣчаніе о погребальномъ обрядѣ, совершенномъ надъ Аттилою. Такъ, какъ онъ описанъ у Иордана, въ немъ нельзя видѣть чего-нибудь спеціальнаго турецкаго или гуннскаго; нѣтъ, напримѣръ, рѣчи объ уродованіи, о царапаніи лица. Если мы сравнимъ латинское описаніе гуннскаго обряда съ Геродотовымъ разказомъ о еракійскихъ похоронахъ, то окажется почти совершенное тожество (Herod. V, 8): 1) „Три дня выставляють мертваго“; о выставленіи говорится и у Иордана; 2) послѣ закланія въ жертву разныхъ животныхъ, слѣдуетъ сначала плачь, а затѣмъ пиршество; 3) самое погребеніе совершается или посредствомъ сожженія, или посредствомъ зарыванія въ землю; 4) въ томъ или другомъ случаѣ насынается холмъ или курганъ (χῶμα), и на немъ совершаются игры и состязанія разнаго рода, при чемъ главную роль играетъ единоборство (=equites in modum circensium cursibus ambientes). Много сходнаго окажется и въ описаніи похоронъ царскаго сына у Хіонитовъ, въ которыхъ не безъ основанія узнають нѣкоторые азіатскихъ родичей Аттилы, самымъ своимъ именемъ обличающихъ свою близость къ его европейскимъ Гуннамъ. Itaque ut armari solebat elatus in amplo quodam suggestu locatur et celso, circaque eum lectuli decem sternuntur figmenta vehentes hominum mortuorum, ita curate pollincta, ut imagines essent corporibus similes jam sepultis, ac per dierum spatium septem, viri quidem omnes per contubernia et manipulos epulis indulgebant saltando et cantando tristitia quaedam genera paeniarum regium juvenem lamentantes. Едва ли не слѣдуетъ это описаніе признать болѣе полнымъ и сдѣлать изъ него нѣкоторыя заимствованія для выполненія того, что пропущено у Иордана. Оно находится въ началѣ XIX-й книги Амміана Марцеллина.

На стр. 595 Д. И. Иловайскій пишетъ: „Мой противникъ съ обычною своею неточностію приписываетъ Волгарамъ слово ауль, тогда какъ въ источникахъ его нѣтъ, а есть слово авла (aula), что не одно и то же, и о чемъ ясно говорится въ моихъ „Разысканіяхъ“ (стр. 213); при чемъ я и не думалъ толковать это слово вмѣстѣ съ тарканомъ и кавканомъ изъ славянскаго языка, какъ опять-таки, съ обычною своею неточностію, утверждаетъ В. Г. Васильевскій“. Желаю быть на сей разъ, по указанію Д. И. Иловайскаго, совершенно точнымъ, еще разъ обращаюсь къ Теофану и Зонарѣ, и опять убѣждаюсь, что они приводятъ не греческое или

латинское слово (*aula, aulā*), а реченіе, заимствованное изъ какого-то другаго языка; на это указываетъ какъ выраженіе Теофана: τὴν λεγομένην αὐλήν, такъ и соответствующее объяснительное замѣчаніе Зонары: „заняли дворъ—αὐλήν—Крума, ибо такъ называли Волгары жилище своего вождя“ (Dindorf, IV, 372). Предъ греческимъ словомъ, означающимъ дворъ или жилище, Греку не было бы никакой нужды, было бы даже бессмысленно ставить оговорку „такъ-называемый“. Это было бы равносильно тому, если бы русский историкъ написалъ: „вошли въ царскій дворъ, такъ-называемый дворець“. Когда я писалъ свою рецензію, я еще считалъ такія разъясненія излишними, тѣмъ болѣе, что могъ рассчитывать не на одну только догадливость оппонента, но также и на знакомство его съ Шафарикомъ и другими учеными, уже раниже признавшими въ *aulā* = *аулѣ* не греческое слово, при хорошемъ, однако, въ ихъ очередь знакомствѣ съ греческимъ языкомъ. Не нуждался я также и въ томъ, чтобъ изобрѣтать такія обвиненія противъ „Разысканій“, къ какимъ они не дадутъ повода. Въ моей статьѣ не сказано, что самъ Д. И. Иловайскій объяснилъ *аулѣ* изъ славянскаго, а только приписывается ему намѣреніе подорвать нашу вѣру въ непреложность общепринятой системы объяснять не славянскими языками такія слова: какъ тарканъ, кавканъ, *аулѣ*, и такія собственные имена, какъ Корнисошъ, Тохта, Аспарухъ. Правда, у меня прибавлено: „для этой цѣли онъ внушаетъ намъ, что если постараться, то тѣ же слова съ равнымъ успѣхомъ можно будетъ протолковать и по славянскн“ (стр. 179 Журн. Мин. Нар. Просв. за июль 1882 г.); но опять-таки здѣсь идетъ рѣчь о характеристикѣ цѣлой системы, выражающейся въ толкованіи преимущественно собственныхъ именъ, а не объ отдѣльныхъ случаяхъ, и при томъ фразѣ приданъ оборотъ предположительный. Авторъ „Разысканій“ отрешивается отъ того этимологическаго приѣма, который нами былъ формулированъ на основаніи многихъ частныхъ примѣровъ, у него встрѣчающихся. Намъ казалось, что ученіе Д. И. Иловайскаго о суффиксахъ, нѣсколько противорѣчащее общепринятой системѣ и хотя бы даже грамматикѣ Вуслава, состоитъ въ томъ, что славянскихъ суффиксовъ—бесконечное множество, и что при разложеніи славянскихъ словъ любая ихъ часть—то большая, то меньшая, смотря по надобности—можетъ быть принимаема за окончаніе, или что то же, суффиксъ. Такъ мы видѣли, что въ словѣ Утригуры Д. И. Иловайскій находилъ славянскій суффиксъ *гурн*, а въ словѣ Телерикъ—славянскій суффиксъ *рикъ*, при

чемъ еще упрекнулъ Шафарика за то, что онъ и въ собственномъ своемъ названіи не догадался признать таковой суффиксъ. Правда, теперь мы изъ послѣдней полемической статьи автора „Разысканій“ усматриваемъ, что вмѣсто гурь окончаніемъ въ словахъ Кутригурь и Утригурь считается уже урь. Онъ-де не только считаетъ туранскихъ Массагетовъ Аріицами, но и полагаетъ, что коренная часть ихъ названія сохранилась въ одномъ изъ славянскихъ племенъ, именно въ Мазовіи, Мазурахъ: „Кстати вотъ вамъ и окончаніе урь, которое такъ затрудняетъ туранистовъ въ Утригурахъ, Кутригурахъ и т. п.“, прибавляетъ не знающій филологическихъ и этимологическихъ затрудненій авторъ „Разысканій“ (Русск. Стар. стр. 609). Итакъ, гурь или урь—смотря по надобности и по требованію той или другой пришедшей въ голову идеи. Не понимаемъ, чѣмъ такъ особенно оскорбился Д. И. Иловайскій за нашу догадку, что производя собственное имя Кормисошъ отъ одного корня со словами кормъ и кормилецъ, онъ разлагаетъ его такъ: Корми-сошъ, — и слѣдовательно, предполагаетъ суффиксъ сошъ. Несомнѣнно, что это его приѣмъ. Суффиксъ сошъ нисколько не лучше и не хуже суффиксовъ гурь и рикъ. Все, что Д. И. Иловайскій говоритъ теперь съ объективной точки зрѣнія о негодности предположеннаго нами этимологическаго приѣма въ отношеніи къ слову Кормисошъ, если бы даже и не представляло опять кое-чего сомнительнаго, — совершенно излишне, потому что рѣчь шла только о субъективной возможности. Мы однако готовы взять назадъ свою догадку и свое обвиненіе, — если Д. И. Иловайскій съ своей стороны отречется также отъ суффиксовъ гурь и рикъ. Отреченіе отъ Корми-соша уже есть начало обращенія...

Чтобы не гоняться за отдѣльными частностями, приводимъ еще одну обличительную противъ насъ тираду, которая, конечно, можетъ казаться для неопытныхъ очень сильною и убѣдительною:

„Онъ упустилъ изъ виду еще одно свидѣтельство, на которое я тоже ссылаюсь въ своихъ „Разысканіяхъ“ (на стр. 420). Армянскій историкъ V вѣка Моисей Хоренскій повѣствуетъ о вторженіи Болгаръ въ Арменію съ высотъ Кавказа и прибавляетъ, что мѣстность, гдѣ они поселились, получила названіе Ванандъ. Разумѣется, мой противникъ будетъ отрицать и это прямое свидѣтельство, ибо для отрицанія источниковъ у него нѣтъ предѣловъ. Вотъ еще тому примѣры: 1) Птоломей уже во II вѣкѣ упоминаетъ о Гуннахъ, какъ сосѣдяхъ Роксоланъ и Бастарновъ. Но такъ какъ это извѣстіе противорѣчитъ

минному пришествію Гунновъ изъ восточной Азіи въ IV вѣкѣ, то В. Г. Васильевскій не признаетъ птоломеевыхъ Гунновъ за дѣйствительныхъ Гунновъ; ибо у послѣдняго написано Хуни, а у позднѣйшихъ греческихъ писателей обыкновенно пишется Унии; хотя всѣ западные писатели, начиная съ Амміана, пишутъ Хуни. Птоломей, не обозначая въ точности географическаго положенія Хунновъ, помѣщаетъ ихъ гдѣ-то за Днѣпромъ около Меотиды. В. Г. Васильевскій, самъ не отличающійся точностью, видитъ въ этой недостаточной опредѣленности якобы огромное противорѣчіе съ позднѣйшими писателями, которые, какъ Іорнандъ и Прокопій, выводятъ Гунновъ изъ за Меотиды, то-есть, съ волжско-кубанской низменности. 2) Отвергаетъ онъ ясное свидѣтельство Амміана, что гунскій народъ былъ уже „слегка извѣстенъ по старымъ памятникамъ“ (*monumentis veteribus leviter nota*), не совсѣмъ точно переводя его словами: „малозвѣстный древнимъ памятникамъ“. Прмъ чемъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, приводитъ два, взаимно противорѣчащія, показанія Зосими, и совсѣмъ молчитъ о помпугныхъ выше показаніяхъ Іорнанда и Прокопія. 3) Отвергаетъ голосовно свидѣтельства Веды Достопочтеннаго и Кедрена о тождествѣ Гунновъ съ Славянами, и совсѣмъ молчитъ о таковыхъ же свидѣтельствахъ Саксона Грамматика, Эдды, Вилькинга-саги и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Конечно, всякое изъ нихъ отдѣльно взятое, и одинокое, еще могло бы подвергнуться вопросу; но взятыя вмѣстѣ, они составляютъ силу, и не ломаются, подобно той связкѣ палочекъ, о которой говоритъ извѣстная притча. 4) Отвергаетъ прямое и ясное свидѣтельство Гельмольда, который говоритъ, что „на языкѣ Саксовъ Славяне называются собаками“. Эти слова иначе и объяснить нельзя, какъ тѣмъ, что Саксы брали такъ Славянъ, пользуясь созвучіемъ слова Хунъ съ нѣмецкимъ Hund. В. Г. Васильевскій по этому поводу, такъ-сказать, ни къ салу, ни къ городу приводитъ рѣчь крымскаго хана изъ русской былинны (весьма сомнительной редакціи): „отрекись отъ блага царя и поклонись мнѣ собакѣ крымскому хану“. Надѣюсь, что ханъ и собака никакого созвучія не представляютъ, и это сравненіе можетъ представить только образчикъ попшевскаго, довольно нескладно придуманнаго“.

До сихъ поръ была рѣчь Д. И. Иловайскаго, и вотъ что мы на нее отвѣтимъ: Общій недостатокъ автора „Разысканій“ состоитъ въ томъ, что онъ никогда не считаетъ нужнымъ изучать факты и свидѣтельства независимо отъ своихъ теорій, такъ-сказать—въ нихъ смнхъ, пользуется любымъ попавшимся подъ руку аргументомъ, не извѣсивъ

предварительно его силы и значенія, хватается за одинъ какой-нибудь пустой звукъ, обрывокъ фразы, не желая знать ни ея связи, ни того, кѣмъ, когда и въ какомъ именно смыслѣ она сказана, то-есть, ни характера писателя, ни особенностей его воззрѣній, языка и терминологіи. При этомъ авторъ „Разысканій“ даже какъ будто боится всякихъ дѣйствительныхъ разысканій, чтобы какъ-нибудь не утратить своего сокровища, доставшагося ему по наслѣдству—отъ другихъ. Не завидное это сокровище. Большая часть аргументовъ, заключающихся въ вышеприведенномъ отрывкѣ, заимствована у Шафарика; но дѣло въ томъ, что Шафарикъ зналъ цѣну разнымъ свидѣтельствамъ, и вовсе не думалъ придавать слишкомъ много значенія всѣмъ этимъ разнымъ случаямъ отождествленія Гунновъ и Славянъ; признавая силу другихъ еще болѣе многочисленныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ, онъ отвергалъ всякую мысль объ единоплеменности Славянъ и Гунновъ. То, что Шафарикъ отвергъ, то нашъ ученый счелъ счастливою находкой, и на чужихъ отброскахъ воздвигъ свою систему. Намъ сдается, что Д. И. Иловайскій совсѣмъ не давалъ себѣ труда провѣрить собственнымъ обращеніемъ къ источникамъ приводимые въ „Разысканіяхъ“ аргументы, потому что иначе никакъ не возможно объяснить себѣ того, какимъ образомъ явная ошибка Шафарика—для него, впрочемъ, совсѣмъ неважная—упорно повторяется во второй, третій и четвертый разъ. Авторъ „Разысканій“ объявлялъ былъ совсѣмъ иначе и съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ Шафарикъ, отнестись къ тѣмъ даннымъ, которыхъ тотъ только слегка коснулся, и которыя онъ обратилъ въ краеугольные свои камни.—Прикоснемся къ этому фундаменту.

1) Что касается Моисея Хоренскаго и заимствованнаго имъ у Абасъ-Катини извѣстія о Болгарахъ, то довольно было бы привести полный текстъ отрывка, чтобы убѣдиться въ несуществованіи тутъ какого-либо отождествленія Болгаръ съ Славянами; а еслибы Д. И. Иловайскій посоветовался съ арменистами, уже объяснявшими это мѣсто или еще не объяснявшими, то исчезла бы всякая тѣнь сомнѣнія относительно полной негодности свидѣтельства для данной цѣли. Не противникъ Д. И. Иловайскаго отрицаетъ это какъ-бы прямое свидѣтельство, а отвергаютъ ученые, занимавшіеся Моисеемъ Хоренскимъ совершенно независимо отъ вопросовъ о происхожденіи Гунновъ и Болгаръ. Вотъ, напримѣръ, какъ переводитъ и какъ комментируетъ нужный отрывокъ Victor Langlois (Collection des historiens de l'Arménie, I, 45): Plus tard et par suite de l'établissement dans ces lieux

(въ странѣ Пасенъ, составлявшей часть провинціи Араратской и простиравшейся до Карса) de la colonie de Veghentour Boulgar de Vount le pays fut appelé de son nom Vanand, et les villages sont appelés jusqu'à présent du nom de ses frères et de ses descendants". Сила аргумента Д. И. Иловайскаго заключается въ томъ будто бы фактъ, что вслѣдствіе поселенія Болгаръ одна армянская провинція называется Вендскою (Ванандъ), то-есть, славинскою. Но по тексту выходитъ, что переселились на Кавказъ не просто Болгары, а какіе-то Вегентуръ (или по другимъ спискамъ: Вентур—) Булгаръ Вунта (Вента). По мнѣнію Ланглуа (см. его комментарий), это суть Унновундоболгары, упоминаемые въ Византійской хроникѣ Теофана: „appellation dans laquelle on retrouve les Huns, les Bunds ou Vendes et les Bulgares. On peut donc induire du texte de notre auteur qu'à une époque assez ancienne, une nation d'origine slave, les Vendes, s'étaient déjà confondus avec les Bulgares", и т. д. Итакъ, по этому толкованію, наиболѣе благопріятному для автора „Рависканій", выходитъ, что не вслѣдствіе переселенія однихъ чистыхъ Болгаръ Ванандъ названъ своимъ именемъ, напоминающимъ Вендовъ, а вслѣдствіе колоніи, въ составѣ которой уже ранѣе на ряду съ Болгарами были и Венды. Другими словами, Ванандъ получилъ прозваніе не отъ Болгаръ собственно, а отъ Вендовъ, въ чемъ нѣтъ ничего интереснаго. Однако, и намъ самимъ объясненія Ланглуа казались неудовлетворительными, а сообщенный имъ текстъ довольно темнымъ. Мы обратились за дальнѣйшими разъясненіями къ извѣстному арменисту, проф. К. П. Патканову, который и сообщилъ намъ, что подъ Вундъ или Видъ слѣдуетъ понимать имя предводителя Болгаръ, что, дѣйствительно, теперь и должно представляться единственно возможнымъ, ибо далѣе говорится о братьяхъ и дѣтихъ его, то-есть, очевидно, не цѣлаго племени, а отдѣльной личности, сообщившихъ прозванія другимъ округамъ. При этомъ улетучивается, какъ дымъ, всякое тожество Болгаръ и Вендовъ. Переводъ даннаго мѣста изъ Моисея Хоренскаго, любезно сообщенный намъ К. П. Паткановымъ, мы здѣсь не приводимъ, потому что его теперь можно найти въ собственной статьѣ ученаго армениста, помѣщенной въ мартовской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія за текущій годъ (стр. 25). Что касается Д. И. Иловайскаго, то онъ найдетъ въ новой статьѣ проф. Патканова и еще кое-что, весьма для него поучительное. Много разъ и съ большою увѣренностію толковалъ нашъ оппонентъ о баснословности византійскихъ извѣстій относительно

первоначальнаго раздѣленія Болгаръ на пять племенъ и о виселеніи Аспаруха: и что же оказывается? Вотъ мы теперь читаемъ сообщеніе современника, который можетъ говорить о мѣстѣ жительства Аспаруха (Аспаръ-Хрука), о его бѣгствѣ изъ горъ Болгарскихъ, о его утвержденіи въ устьяхъ Дуная—въ настоящемъ времени, какъ о событіи случившемся на его глазахъ; и что еще любопытнѣе, помимо орды Аспаруха, этотъ новый свидѣтель сообщаетъ намъ имена четырехъ другихъ Болгарскихъ племенъ. Пророчество Д. И. Иловайскаго относительно будущаго торжества его теорій начинается совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ это было ему желательно.

2) Что касается Птолемеевыхъ Хуннъ, то мы опять должны повторить: „Не мы первые усомнимся въ основательности сопоставленія Унновъ, какъ всегда пишутъ Греки, съ Хунами, тѣмъ болѣе, что цѣлый рядъ писателей, названныхъ Д. И. Иловайскимъ (стр. 521 „Разысканій“), указываетъ древнія жилища Гунновъ совершенно въ другомъ мѣстѣ“. Отсылаемъ теперь Д. И. Иловайскаго къ новому изданію извѣстнаго капитальнаго сочиненія по исторіи переселенія народовъ, пересмотрѣнному и исправленному Фел. Даномъ (*Geschichte der Völkerwanderung von Ed. Wietersheim, II, 16*). Здѣсь встаетъ онъ найдетъ, очевидно, болѣе правильное опредѣленіе мѣстожителства Хунновъ Птолемея не на востокъ, а на западъ отъ Днѣпра, въ нынѣшней Подолиіи и Бессарабіи: хотя мы совсѣмъ не думали называть огромнымъ такого противорѣчія съ указаніями Амміана Марцелина, Прокопія и Иордана о дѣйствительныхъ Гуннахъ—это оппонентъ нашъ прибавляетъ, вѣроятно, ради точности,—все-таки оно не лишено значенія. А главное, если гоняться за всѣми совучными именами, то совершенно такихъ же Хунновъ можно найти также и въ Азіи: у Плинія Старшаго встрѣчаются *Chuni* гдѣ-то по близости къ Индіи, и Лассенъ узнавалъ въ нихъ тибетскихъ бѣлыхъ Гунновъ; находили Гунновъ (*Hunae*) въ одной клинообразной надписи царя Дарія Гистасла, и Риттеръ опредѣлялъ ихъ мѣстоположеніе въ нынѣшней Арменіи въ верховьяхъ Евфрата и Аракса и т. д. Можно находить Гунновъ даже въ Зендавестѣ, и что любопытно, именно въ видѣ туранскихъ конниковъ (см. *W. Geiger, Ost-iranische Kultur, Erlangen, 1882, pag. 198—199*)¹⁾. Еще важнѣе Хіониты Амміана

¹⁾ Gib mir, o gutige segensreiche
Ardvi sura anahita,
Dass 'ch möge beslegen

Марцеллина, въ которыхъ извѣстный златокъ туранскихъ языковъ Шоттъ, а въ слѣдъ за нимъ и Витерсгеймъ, признаютъ китайскихъ *Chiong-pu* (Хунну съ латинизированнымъ окончаніемъ), близкихъ родичей европейскихъ Гунновъ. Автору „Разысканій“ гораздо полезнѣе было бы заняться этими Хюнтами, чѣмъ Хоубо: Птолемея. Единичныя упоминанія мелкихъ племенъ инородцевъ вообще бываютъ сомнительны и мало годны для историческихъ выводовъ, особенно если кто вздумаетъ увлекаться подобозвучіемъ. Они получаютъ значеніе только тогда, когда бываютъ поддержаны другими данными и другими свидѣтельствами, дающими возможность констатировать извѣстную систему и связь. Если Д. И. Иловайскій ничѣмъ не въ состояніи наполнить хронологическаго, географическаго и филологическаго промежутка между Хуннами и Птолемея, жившаго во II вѣкѣ по Р. Х., и Гуннами и Марцеллина второй половины IV вѣка, то его ссылка остается безсвязаннымъ, случайнымъ явленіемъ, безплоднымъ повтореніемъ задовъ. Другое дѣло — Хюнты того же Амміана, на которыхъ онъ не обратилъ вниманія. Правда, они привели бы его въ Азію, чего онъ не хочетъ.

3) Школьный и даже школьническій переводъ словъ Амміана Марцеллина о Гуннахъ („gens), monumentis veteribus leviter nota“ мы опять предоставляемъ въ полную собственность Д. И. Иловайскаго, и предпочитаемъ свой неточный, но болѣе правильный. Слова Амміана Марцеллина позднѣйшими греческими писателями передаются слѣдующимъ образомъ: народъ—крѣтаров *οἱ κρηταροι*—у Зосима; *Ἰθνος*, *ὡς φασιν*, *ἄνωστον*—у Созомена (Migne, Patrol. græca, LXVII, 1404). Мы уже выше указали на важность показаній Зосима, опущенныхъ исследователемъ изъ виду къ его собственному вреду. Последнихъ словъ въ отрывкѣ, обозначенномъ цифрою 2, мы совсѣмъ не понимаемъ: кажется, что мы не упустили изъ виду показаній Иордана и Прокопія, какъ это и отмѣтилъ не много выше самъ нашъ оппонентъ, упрекая насъ за то, что мы преувеличиваемъ противорѣчіе между Птолемеемъ и позднѣйшими писателями.

4) Теперь опять слѣдуютъ Беда Достопочтенный, Кедренъ, Саксонъ Грамматикъ и т. д. Можемъ себя поздравить, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, что намъ уже не приходится имѣть дѣло съ Паскальною хроникой. Послѣ того какъ Д. И. Иловайскій не придалъ надлежа-

Die reisigen Hunn in Vaiska....

Dass ich möge töten in den turanischen Gauen zu hunderten.

этого значенія прежнимъ нашимъ словамъ о полной для насъ невозможности найти у Беды предполагаемое отождествленіе Гунновъ и Славянъ, намъ остается сдѣлать только одно—привести самый текст Беды, гдѣ говорится о Гуннахъ. Рѣчь идетъ объ англо-саксонскомъ монахѣ Егбертѣ, который около 690 года собрался на континентъ съ миссіонерскою цѣлю: *Ео tempore Esgbert proposuit animo pluribus prodesse; id est in iusto opere apostolico, verbum Dei aliquibus earum, quae nondum audierant, gentibus euangelizando committere: quarum in Germania plurimas nouerat esse nationes, à quibus Angliuel Saxones, qui nunc Britanniam incolunt, genus et originem duxisse noscuntur; unde hactenus a uicina gente Brettonum corrupte Germani nuncupantur. Sunt autem Fresones, Rugini, Danai, Hunni, Antiqui Saxones, Bo-ructarii...* (Baedae Historia ecclesiastica gentis Anglorum ed. Holder, Freiburg, 1882. pag. 239). Какое же тутъ отождествленіе Гунновъ со Славянами, когда Славяне даже совсѣмъ и не названы, когда Гунны, по видимому, считаются Германскимъ племенемъ, родственнымъ съ Англами и Саксами, когда упоминаніе Борукутаріевъ, то-есть, древнихъ Бруктеровъ, давно исчезнувшихъ, показываетъ, что тутъ перемѣшаны старыя народы съ новыми? Гунны въ данномъ случаѣ разумѣются тѣ совершенно обыкновенныя Гунны Аттилы, которые, правда, давно пропали, также какъ и Бруктерны, но память о которыхъ хотя и смутная, все-таки осталась. Если же такое объясненіе можетъ показаться предосудительнымъ для Беды и потому сомнительнымъ, то слѣдуетъ только вспомнить объ Аваряхъ, которыхъ онъ, вѣсть съ другими, имѣлъ право считать за прямыхъ потомковъ Гунновъ Аттилы. И Д. И. Иловайскій знаетъ, что западные писатели еще чаще, чѣмъ византійскіе называютъ Аваровъ Гуннами (Поборники норманизма, стр. 595); и это съ самыхъ древнихъ временъ. Не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что Егбертъ собрался идти на проповѣдь къ Аварамъ; именно туда въ данное время направлялась христіанская миссія, въ которой англо-саксонскіе монахи были главными дѣятелями; именно въ это самое время, около 692 года, посетилъ землю Аваровъ Апостолъ Баваріи, св. Рупертъ (см. Büdinger, Oesterreich. Gesch., 84), а вслѣдъ за нимъ туда же стремился его преемникъ Еммерамъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ жизнеописаніи послѣдняго, принадлежащемъ почти современнику Беды, Арибону Фрейзингенскому, Авары точно также называются Гуннами (Act. Sanct. Septemb. VI p. 474): *Eodem tempore Inter Hunorum et gentem Bajuvariorum orta est discordia...* Мы не забываемъ, что подъ

властью Аваровъ было много Славянъ; но намъ кажется, что никому однако не придетъ на умъ заключить отсюда о тождествѣ Аваръ со Славянами. Итакъ, говоря о Гуннахъ, Беда думалъ либо о прежнихъ Гуннахъ Аттилы, либо о предполагаемыхъ ихъ потомкахъ, Аварахъ; утверждать, что Беда отождествляетъ Славянъ съ Гуннами, можетъ только тотъ, кто ничего не хочетъ знать и слышать — изъ боязни утратить одинъ аргументъ, хотя и безъ того весьма слабый, принятый на вѣру отъ другихъ. Еще удивительнѣе упорство Д. И. Иловайскаго относительно Саксона Грамматика; именно оно заставило насъ высказать предположеніе, что нашъ оппонентъ, слѣдуя Шафаррику, не считаетъ нужнымъ проверять его и обращаться къ источникамъ.

О Гуннахъ у Саксона Грамматика рѣчь идетъ въ исторіи баснословнаго Датскаго короля Фроде III (*Historiae Danicae liber V. Ed. Müller et Velschow, Naupiae. 1889, I, 181 и сл.*). Фроде женится на дочери Гуннскаго короля Ганундѣ (pag. 188). Покоривъ Норвежцевъ, онъ вступаетъ въ борьбу со Славянскимъ царемъ Стрункомъ (pag. 224. *Strunico, Sclavogum rege*), убиваетъ его въ сраженіи и затѣмъ искореняетъ почти все Славянское племя (*totam rene Sclavicae gentis stirpem consumpsit*). Вслѣдствіе того, что Фроде отвергъ и отослалъ обратно свою супругу, ея отецъ, Гуннскій король, собирается идти войною противъ Даніи вмѣстѣ съ вассальнымъ Восточнымъ королемъ Олимаромъ (pag. 231: *Orientalium rege Olimaro*).—На своей защитѣ Фроде вооружаетъ не только туземцевъ, но также Норвежцевъ и Славянъ. Происходятъ сначала стычки на морѣ гдѣ-то неподалеку отъ предѣловъ Россіи съ гуннскимъ флотомъ подъ предводительствомъ Олимара (*Olimarum, qui classis magistratum assererat—haud procul Russia reperit*). Датчане покоряютъ острова, лежащіе между Даніей и Востокомъ, встрѣчаютъ небольшую флотилію русскихъ кораблей, а затѣмъ и весь морской отрядъ Олимара, состоявшій тоже изъ безчисленнаго количества русскихъ судовъ громаднаго размѣра. Въ сраженіи пали всѣ русскіе короли, кромѣ Олимара и Дага, и слѣдствіемъ рѣшительной побѣды на морѣ, было полное подчиненіе Россіи королю Фроде (pag. 235). Подчинивъ Швецію, куда былъ отправленъ Олимаръ, и еще другія провинціи, Датскій король наконецъ вышелъ противъ гуннскихъ полчищъ: его сопровождали двадцать подвластныхъ ему королей. Сраженіе произошло въ предѣлахъ Россіи. Въ первый день битвы число убитыхъ было такъ велико, что три главныхъ русскихъ рѣки совершенно

были запружены трупамъ; можно было переходить съ одного берега на другой какъ по мосту (pag. 240: Praescripti tres Rusciae fluvii cadaveribus velut ponte constrati и т. д.). На седьмой день битвы палъ самъ царь Гунновъ, по имени Гуннъ; сто-семьдесятъ королей, отчасти Гуннскаго племени, отчасти подвластныхъ ему, покорились Фроде. Его владѣнія простирались теперь отъ предѣловъ русскихъ на востокъ до рѣки Рейна на западъ (pag. 241). Олимаръ получилъ въ управленіе Голмгардію, другой подручникъ (Oenevis, нѣсколько напоминающій Синеуса) Кѣногардію, а братъ Гунна, по имени тоже Гуннъ, — Саксонію и т. д. (pag. 240).

Когда все это было? Саксонъ Грамматикъ прямо объясняетъ намъ, что всѣ эти удивительныя событія какъ разъ совпадаютъ съ пришествіемъ въ міръ Христа Спасителя (pag. 255: Per idem tempus publicae salutis auctor mundum petendo servandorum mortalium gratia mortalitatis habitum amplecti sustinuit). Но пусть хронологія отстанетъ въ сторону, пусть весь разказъ будетъ чиствѣшею историческою истинною: есть ли въ немъ хотя бы тѣнь отождествленія Гунновъ со Славянами? Не только нѣтъ такого отождествленія, напротивъ Славяне и Русскіе постоянно отличаются отъ Гунновъ. Какъ слѣдуетъ судить о Саксонскихъ Гуннахъ, это очень хорошо объяснено издателями и комментаторами Датской исторіи, датскими учеными Вельсковымъ и Мюллеромъ; кстати, тутъ сопоставлены и поэтическія преданія Едды и одной саги. Чтобы отдать дѣло на рѣшеніе судей совершенно постороннихъ и безпристрастныхъ, изучавшихъ Саксона Грамматика ради его самаго, а не ради Славянъ и Гунновъ, мы приводимъ внизу выписку изъ комментарія къ Саксону въ изданіи означенныхъ ученыхъ ¹⁾. Признаемся, что

¹⁾ Testantur Carmina Eddica, in quibus mentio Hunnorum facta est, famam gentis illius ad majores nostros pervenisse diu antequam litterae latinae per novam religionem introductam illis innotuerunt. Neque mirum est, gentem, quae victoriis et caedibus dimidiam fere Europam saeculo quarto et quinto impleverit, diuturnam nominis sui memoriam reliquisse. Quemadmodum autem à nemine traditur, Hunnos arma victricia vel ad provincias Germaniae inferioris vel ad septentrionem nostram protulisse, ita neutiquam existimo, ullum connubiorum commercium inter gentem Hunnicam, caeteris populis quam maxime invidiam, et majores nostros unquam existisse. Quicumque vero res a majoribus fama incerta traditas in majus augere suisque commentis exornare studuerunt, Hunnos eam gentem illustrem in scaenam facile produxerunt. Subtilius quidem aliique conati sunt narrationibus de commercio Hunnorum cum Danis majorem fidem conciliare, eas trans-

разбирать доказательства Д. И. Иловайскаго начинать намъ казаться дѣломъ нѣсколько скучнымъ и утомительнымъ; но все-таки займемся и Эддою. Д. И. Иловайскій изволитъ твердить, что въ Эддѣ обрѣтаются, кромѣ многого другаго хорошаго, еще и доказательства тождества Славянъ съ Гуннами. На сей разъ онъ даже не потрудился намекнуть, гдѣ именно онъ находитъ такія откровенія, въ которой именно Эддѣ и въ какой части той или другой изъ нихъ. Изъ „Равнсканій“ мы узнаемъ, что Эдда древнѣйшая или Семундова уже тѣмъ отождествляетъ Гунновъ со Славянами, что одного гуннскаго богатыря называетъ Ярислейфомъ, то-есть, Ярославомъ; а затѣмъ она вообще будто бы подъ Гуннами разумѣетъ Славянъ. Удивительно сильное доказательство! Самая мысль разсматривать произведеніе народной поэзіи, представляющее нѣсколько наслоеній и неизвѣстно когда окончательно сложившееся, какъ историческій документъ для объясненія племенныхъ отношеній IV и V вѣка, можетъ иному показаться крайне странною. Что касается Ярислейфа, упоминаемаго во второй пѣснѣ Гудруны (*Guðrunarkviða*), то, по поводу его Д. И. Иловайскій въ одномъ очень доступномъ изданіи, посвященномъ именно древностямъ Русской исторіи, могъ бы съ нѣкоторою пользою для себя прочесть слѣдующія замѣчанія: „Plusieurs circonstances semblent prouver que ces deux poèmes (*Guðrunarkviða* II et III) ne peuvent être du même âge que les autres que nous avons rapportés à la classe des poèmes les plus anciens... De plus, dans la *Guðrúnarkviða* II. v. 19, on trouve déjà les noms slaves de Jarisleif et de Jarizskar; ce qui prouve que le poème a été composé après que les Slaves se furent trouvés en contact avec les tribus germaniques de l'Allemagne... Cependant, comme la langue et toute la rédaction portent entièrement

ferendo vel ad incolas tractus Hunsingow in Gröningia (*Saxm. Hist. af Danmt I D S. 156*) vel ad gentem Chazarorum pristinas Hunnorum sedes habitantium (*ibid. 380*). Haec autem conamina, non monumentorum documentis, sed meris conjecturis subnixta, vana esse existimo. Omnes narrationes in nostris litterarum monumentis obviae, quae Hunnos commemorant, jam alias ob causas fabulosae censendae sunt; earum porro, quae gentem Hunnorum uberius attingunt, eam et numerosissimis copiis pollentem et maxima clade fractam describunt (*vid. praeter historiam Frothonis nostri historiam Hervorae p. 194. sequ. ed. Havn.*). Jam vero satis constat ex historia Attilae, Hunnos dupliet hoc nomine fuisse insignes, unde sequitur, auctores harum narrationum de gente Hunnorum imperio Attilae subjecta cogitasse, atque ita somnia sua pro veris nobis venditasse historia.—Saxonis Grammatici *Historia Danica*, III, 144 (*Notae uberiores*).

l'empreinte de l'antiquité et de l'autencité, on ne pourra guère attribuer à ces poèmes un âge plus récent qu'environ le XI siècle ou le premier temps de la chrétienté... (Antiquités russes I, 30). Но этого мало; еще съ большою пользою для себя, исследователь могъ бы прочесть тотъ самый отрывокъ Эдды, на который онъ уже не въ первый разъ ссылается. Приводимъ его въ латинскомъ переводѣ датскихъ ученыхъ (Antiquités russes, *ibid.*):

Valdar apud Danos
cum Jarizlevo
Eumodus tertius
cum Jarizkare,
tum intrabant
principibus similes;
Langobardi comites
utebantur rubris lacernis...

Итакъ, увы, даже Эдда отождествляетъ двухъ героев, носящихъ славянскія имена, никакъ не съ Гуннами, а съ Лангобардами. Д. И. Иловайскій, если ему угодно, можетъ здѣсь найти первое доказательство принадлежности Лангобардовъ къ Славянскому племени; съ увѣренностію можно его обнадежить, что у него не будетъ недостатка въ другихъ подобныхъ доводахъ. Что теперь сказать объ увѣреніи, что Эдда вообще подъ Гуннами разумѣетъ Славянъ? Нашъ исследователь говорить объ этомъ съ такою положительностію, что иному неопытному читателю можетъ подумать: гдѣ-нибудь въ Эддѣ такъ таки прямо и сказано: „Гунны или что то же Славяне“, какъ у Кедрина. Заранѣе слѣдуетъ разочароваться: отъ начала д. конца ни одного разу слово Славяне не встрѣчается въ поэтической Эддѣ. Выраженія „Гунны, Гуннскій“, употребляются здѣсь 1) либо какъ эпитетъ Аттилы, его царства и народа, 2) либо прилагаются къ Сигурду и Вельсунгамъ, то-есть, къ главному герою саги, имѣющей франкскую основу. Такъ какъ Сигурда по всѣмъ даннымъ приходится считать тоже Франкомъ, а между тѣмъ дѣдъ его, по Вельсунга-сагѣ, царствовалъ въ Гуналандѣ, то нѣмецкіе ученые измыслили древній франкскій Гуналандъ, какъ и для Гуналанда легендарнаго Аттилы, они готовы были предполагать существованіе другаго, тоже нѣмецкаго (на этотъ разъ саксонскаго) Гуналанда, лишь въ послѣдствіи отождествленнаго со страной историческихъ Гунновъ. Всѣ эти предположенія болѣе строгая и трезвая критика признаетъ, однако, излишними. Пользуясь выраженіями на-

чего товарища, вѣтота этихъ вопросовъ (А. Н. Веселовскаго), мы можемъ сказать, что Гунны Аттилы древнѣе, и что Гуннскіе Вельсунги принадлежатъ позднѣйшей комбинаціи преданія, и наконецъ, — что для Славянъ тутъ нѣтъ никакого мѣста.

Относительно Кедрина приходится еще разъ напомнить, что это небрежный компиляторъ, жившій въ XII вѣкѣ, и что его выраженіе „Гунны или Славяны“, употребленное при разказѣ о событіяхъ VI вѣка, только тогда имѣло бы значеніе, еслибы оно имѣло какое-нибудь основаніе въ томъ источникѣ, которому онъ въ данномъ разказѣ слѣдуетъ; иначе приходится считать его или случайномъ или необдуманномъ, ошибочною фразою. Источникомъ для Кедрина служила здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, хроника Теофана. Въ послѣдней подѣ 6051 годовъ (=551 по Р. X.) мы читаемъ (ed. Bonn. I, 360): *ἐκάνεστησαν Οὐννοι καὶ Σκλαβῶν τῇ Θρακῇ, κλήθητ' κολλὰ, καὶ ἐκόλεμησαν αὐτήν καὶ πολλοὺς ἐφόνευσαν καὶ ἤχμαλώτευσαν*. У Кедрина подѣ тѣмъ же самымъ годовъ (ed. Bonn. I, 677) мы читаемъ: *ἐκάνεστησαν οἱ Οὐννοὶ οἱ καὶ Σκλαβῖνοι τῇ Θρακῇ καὶ ἤχμαλώτευσαν καὶ ἐφόνευσαν πολλοὺς*. Только слѣпой не увидитъ, что Кедринъ здѣсь буквально повторяетъ Теофана, и что только случайно и вслѣдствіе самой обыкновенной ошибки писца, безъ нужды повторившаго окончаніе слова *Οὐννοὶ*, произошло знаменитое отождествленіе „Гунны или Славяны“ вмѣсто первоначальнаго сопоставленія „Гунны и Славяны“. Подѣ Гуннами въ данномъ случаѣ разумѣются Болгары, которые въ 551 году дѣйствительно опустошали Θраκίανъ заодно со Славянами: объ этомъ можно читать у Прокопія въ исторіи Готской войны (II, 443, 554). Д. И. Иловайскій для убѣдительности дѣлаетъ осторожную оговорку относительно признаваемой имъ самимъ слабости его отдѣльныхъ аргументовъ и относительно ихъ большой силы въ совокупности. Но дѣло въ томъ, что большая часть доказательствъ даже и слабыми доказательствами не могутъ считаться: это просто—ошибки и напраслины. *Ex nihilo fit nihil*.

б) Гельмольдъ вовсе отъ себя не свидѣтельствуетъ, что Саксы называли Славянъ собаками, а приводитъ слова одного обиженнаго славянскаго князя, которому вѣмецкій герцогъ, въ отвѣтъ на его святотство, велѣлъ сказать, что онъ не выдастъ свою родственницу за собаку; обобщая свою частную обиду и желая вооружить соплеменниковъ противъ Нѣмцевъ, славянскій князь на сходкѣ говорилъ имъ, что вотъ Саксы называютъ васъ, Славянъ, псами. Итакъ, самый фактъ въ своемъ общемъ значеніи еще очень

сомнительно. Но главное не в том: мы хотѣли показать, что и отдельные лица и цѣлые народы употребляютъ въ брайномъ смыслѣ слово „собака или песь“ совершенно независимо отъ всякаго созвучія въ имени поносимаго человека или народа съ Гуннами. Мы не рѣшились привести первый пришедшій намъ на память примѣръ, такъ какъ онъ напоминаетъ о печальномъ раздорѣ между двумя таттарскими племенами и объ отвратительномъ выраженіи ненависти съ одной стороны (у). Но мы не находимъ, чтобы другимъ нами приведенный примѣръ совершенно не шелъ къ дѣлу. Брайскій ханъ въ глазахъ Русскихъ Юдеи былъ до такой степени собакою, что они (въ былинахъ) даже его самого заставляютъ такъ величать себя. Вольно же Д. И. Иловайскому искать созвучія между Ханомъ и Собакою: намъ именно нужно было, чтобы созвучія не было, по крайней мѣрѣ въ нашу аргументацію только усердіемъ нашего оппонента.

Представленныхъ примѣровъ, надюсь, слишкомъ достаточно, чтобы видѣть, какое понятіе авторъ „Гавысканія“ имѣетъ—не то что о критикѣ источниковъ, но просто объ основательности правильныхъ и точныхъ ссылокъ, на нихъ дѣлаемыхъ.—Переходимъ къ другому, обращаясь нѣсколько назадъ, къ началу статьи, помѣщенной въ Русской Старинѣ.

Фактически, а затѣмъ отчасти и теоретически отрицая сравнительную филологію, Д. И. Иловайскій мало заботится о согласованіи своихъ идей и теорій съ основными положеніями этой науки, хотя бы это были истины, считающіяся общепринятыми. Онъ бываетъ весьма недоволенъ, когда ему объ этомъ напоминаютъ, онъ тогда начинаетъ допрашивать: кто вамъ далъ право говорить отъ имени науки, на какомъ основаніи вы заявляете притязаніе на научную монополію? Много разъ мы слышали отъ него эти странные вопросы и не менѣе удивительные упреки. Полагаемъ, что говорить отъ имени науки можетъ всякій, кто ее уважаетъ. Никакой притязательности и самонадвигности нѣтъ въ томъ, что мы признаемъ свою зависимость отъ общаго научнаго движенія, что не дерзаемъ посягать на са-

1) Такъ какъ къ вопросу о родствѣ между Нилъ и Нилъ прикосновенъ Н. И. Косогомаровъ, то приводимъ изъ его Богдана Хлѣбническаго слѣдующія слова Геродота: „Вотъ что они Подлинъ съ нами дѣлаютъ: когда нужно идти на войну, то называютъ насъ, чтобы выставлять насъ убойныя, когда вѣтъ опасности, то помыку насъ—собакаи крова, послѣдніе изъ людей“. Развѣ это основано на созвучіи Нилъ и Гунны?

ния великія и драгоцѣнныя завоеванія современной науки, и что въ своихъ частныхъ и мелкихъ работахъ считаемъ необходимымъ сообразоваться съ научными положеніями, выработанными соединенными усиліями многихъ поколѣній иностранныхъ и русскихъ труженниковъ. Притязательность и самонадѣяность заключаются скорѣе въ томъ, когда кто-нибудь, ради обезвеченія сомнительныхъ и крайне спорныхъ результатовъ своей частной, не особенно тщательно веденной работы, начинаетъ по дорогѣ и ради послѣдовательности отвергать общія научныя истины, съ которыми эти результаты сопрягаются, отвергать даже цѣлыя отдѣлы наукъ, цѣлыя ученныя дисциплины вмѣстѣ съ ихъ методами. Выступаетъ такой ученый съ какою-нибудь теоріей происхожденія Русскаго государства, въ родѣ пресловутой роксоланской, и для поддержки ея дѣлаетъ попытку объяснять нѣтъ славянскаго языка имена первыхъ князей русскихъ и названія городовъ. Когда филологи, безъ различія всякихъ подраздѣленій, единодушно возмущаются и начинаютъ дѣлать возраженія, такой ученый вобѣдоносно заявляетъ, что онъ вообще не признаетъ сравнительной филологіи и ея метода годичини для объясненія собственныхъ именъ, и тѣмъ обезвечиваетъ себя полную свободу объяснять безъ всякаго метода и какъ издумается, даже съ пренебреженіемъ къ первоначальнѣйшимъ правиламъ славянскаго этимологическаго, въ родѣ ученія о суффиксахъ. Безъ метода-то, должны мы думать, будетъ повѣрнѣе и понадежнѣе, чѣмъ съ методомъ. Созидаетъ такой ученый, или лучше сказать, подновляетъ теорію о славянствѣ Гунновъ; онъ слѣдуетъ при этомъ по стопамъ даровитаго и начитаннаго славянскаго самоучки, который, конечно, въ двадцатыхъ годахъ столѣтія имѣлъ гораздо болѣе простора для своихъ въ источникѣ чистыхъ и благородныхъ увлеченій, чѣмъ бы ихъ нашелъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ ¹⁾). И вотъ когда этому новому исследователю напоминаютъ, что ему-то уже никакъ нельзя было уклониться отъ объясненія, въ какомъ отношеніи его теорія должна находиться къ выработаннымъ новѣйшею наукою представленіямъ объ индо-европейской семьѣ и объ индо-европейскомъ культурномъ періодѣ, а также объ обще-славянскомъ культурномъ періодѣ, то онъ въ досадѣ готовъ заявить, что всего этого онъ не признаетъ, и что все это можно выбросить за бортъ, какъ вещи ничего не стоящія.

¹⁾ Разумѣемъ книгу Древніе и нынѣшніе Болгаре. Историко-критическія замѣчанія Юрія Веселина. Томъ I, Москва, 1829.

Вдумавъ помѣстить кочевниковъ Гунновъ въ славянскую семью, Д. И. Иловайскій, конечно, былъ бы обязанъ объяснить намъ, какія изъ этого должны проистекать видоизмѣненія въ нашихъ привычныхъ представленіяхъ объ индо-европейской и обще-славянской культурѣ и о ходѣ славянскаго разселенія; но, вѣдь, онъ сначала этого не сдѣлалъ, то-есть опустилъ изъ виду самыя существенныя и необходимыя точки зрѣнія, которыя для его изслѣдованія должны были бы имѣть значеніе исходныхъ пунктовъ. Теперь, когда ему объ этомъ напомнили, онъ то сердится и бранится, то говоритъ, что всѣ эти положенія объ общепарійскомъ періодѣ еще слишкомъ спорны, то увѣряетъ, что кое-что объ этомъ можно найти въ его „Разысканіяхъ о началѣ Руса“. Но, во первыхъ, тамъ совсѣмъ ничего нѣтъ подходящаго къ дѣлу, а во вторыхъ, не кое-что слѣдовало сказать объ этомъ, а напротивъ очень много; слѣдовало отдать себѣ полный и ясный отчетъ въ томъ, что стоитъ тверже гуннскій ли камъ — квась и гунно-славянская страна или же исконность славянскаго земледѣлія, исключаящая принадлежность къ славянской семьѣ и въ исторіи такихъ безусловныхъ и полныхъ кочевниковъ, каковы были Гунны Аттилы — по признанію самаго Д. И. Иловайскаго.

Теперь посмотрите, какія проистекли послѣдствія отъ первоначальнаго и печальнаго опущенія, и прочитайте для этого вполнѣ четыре страницы мелкаго шрифта Русской Старины (586—589). Если бы нашъ изслѣдователь съ самаго начала и по собственному почину догадался принять въ расчетъ то, что необходимо было принять въ расчетъ, конечно, онъ не имѣлъ бы уже никакого побужденія становиться во враждебную позицію не только къ своему рецензенту, но и къ такимъ научнымъ понятіямъ, какъ обще-арійская культура. „Картина общепарійскаго быта, построенная на однихъ сравнительно филологическихъ основаніяхъ, доселѣ представляла только разныя попытки, а не какіе-либо окончательныя и безповоротно рѣшенные выводы, и на этомъ основаніи строить исторію народовъ по меньшей мѣрѣ рискованно“ (стр. 587). Вотъ это-то и слѣдовало бы съ самаго начала разъяснить, именно эти-то различныя попытки и слѣдовало бы прослѣдить и оцѣнить, указавъ, что въ нихъ есть истиннаго и несомнѣннаго и что сомнительно; а то вѣдь будетъ по меньшей мѣрѣ рискованно созидать систему, игнорируя общепринятые научныя основанія, воздвигая зданіе на пескѣ. Д. И. Иловайскій порицаетъ насъ за то, что мы ради означенной цѣли — картины общепарійскаго быта — обратились не далѣе, какъ къ двумъ

сравнивая Моисея въ его Римской исторіи. Но, вѣдь, мы писали не специальное исследование, и потому могли взять то, что у насъ было подъ рукою, тамъ болѣе, что не во всякое время года можно имѣть постоянно подъ рукою большую библіотеку. Если бы мы обратились къ Пикте или Фикку, то конечно, это было бы на видѣ внушительнѣе, но едва ли бы сколько-нибудь измѣнило сущность нашей аргументаціи. Вѣдь и Фиккъ, который сначала отрицалъ знакомство арійскаго племени съ земледѣліемъ, въ послѣдующихъ и позднѣйшихъ своихъ трудахъ (Fick, die Spracheinheit der Indogermanen) склоняется въ пользу того мнѣнія, что, напротивъ, начала земледѣлія въ общую индо-европейскую эпоху не должны быть отрицаемы; тѣмъ менѣе онъ сомнѣвается въ существованіи привычекъ и некоторой осѣдлости. Если Д. И. Иловайскій желалъ бы замѣнить Моисея, ссылку на котораго, что бы онъ тамъ ни говорилъ, мы по существу считаемъ вполне подходящею, какими-нибудь другимъ общедоступнымъ сочиненіемъ, то мы готовы рекомендовать ему Крека. Введеніе въ исторію Славянской литературы (Krek, Einleitung in die slavische Literatur geschichte 16 und folg.); а теперь дозволимъ себѣ еще одну выписку изъ его статьи, именно той ея части, которая можетъ казаться и болѣе сильной, и болѣе основательною.

Итакъ, категорически заявляя, что Славяне никогда не были кочевымъ и коннымъ народомъ, онъ слѣдуетъ не за Моисеемъ собственно, а за А. А. Кунникомъ, который теорію конныхъ и цѣпныхъ народовъ доводитъ до вопиющихъ противорѣчій съ историческими фактами. Несогласіе этой теоріи съ фактами уже было указано въ моихъ „Разсужденіяхъ“, между прочимъ тамъ (стр. 380), я привожу въ примѣръ Скивоу. Известно, что это былъ народъ кочевой и конный; а между тѣмъ по всѣмъ признакамъ Скивои принадлежали къ Аріянамъ, съ чѣмъ теперь начинаютъ соглашаться едва ли не большинство ученыхъ, занимавшихся Скивами. Я говорю тутъ о Скивахъ не въ собирательномъ смыслѣ, а о собственныхъ или царскихъ Скивахъ. Далѣе, восточные сосѣди этихъ Скивоу, Сарматы, еще болѣе кочевой и конный народъ, были признаны Аріянами уже во время Шафарика; въ нихъ арійствѣ теперь не можетъ быть сомнѣнія. В. Г. Васильевскій самъ соглашается съ арійствомъ и Скивоу, и Сарматъ; такимъ образомъ онъ впадаетъ въ безвыходное противорѣчіе съ тѣмъ, что говоритъ объ Аріянахъ на указанныхъ выше страницахъ 146—147. Персы выступили на историческую сцену коннымъ народомъ. Паряне, также известный конный народъ, тоже по всѣмъ призна-

камъ были арийцы. Алане юго-восточной Европы изображаются такъ же точно кочевымъ и кочевнымъ народомъ, какъ и Гунны; въ арийствѣ Аланъ тоже не можетъ быть сомнѣнія; остатки ихъ поныне именемъ Осетинъ живутъ Кавказѣ. В. Г. Васильевскій тоже считаетъ Аланъ арийскимъ племенемъ. Цыгане до нашихъ дней сохранили привычку къ кочевому состоянию и страсть къ коню; а по языку это племя несомнѣнно арийское. А. А. Куникъ въ качествѣ неотвѣтственнаго академика-энциклопедиста можетъ игнорировать подобные историческіе факты; но для В. Г. Васильевского, какъ профессора-специалиста, обязательно ихъ знаніе и согласованіе съ ними своихъ воззрѣній, и помимо обязанности внимательно ознакомиться съ моею книгой прежде, нежели вступить съ нею въ полемику. Слѣдовательно, на какую же исторію, на какую науку ссылается онъ, утверждая, что Славяне въ качествѣ арийцевъ никогда не проходили кочевыя ступени? Это относительно арийскихъ народовъ. Съ другой стороны возьмемъ туранскіе народы, напримеръ, Биргизовъ и Туркменъ. Развѣ они совершенно незнакомы съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи, съ болѣе постоянными жилищами въ видѣ зимовковъ? и т. д. и т. д.

Что сказать на это? Признаемся, что возраженія Д. И. Иловайскаго не совсѣмъ для насъ неожиданны; мы только не думали, что они могутъ послѣдовать именно съ такой стороны. Мнимое противорѣчіе, обличаемое теперь съ такимъ наглымъ такимъ серьезнымъ человекомъ, каковымъ слѣдуетъ считать автора "Исторіи Россіи", было присуще нашему сознанию, когда мы говорили объ общемъ характерѣ индо-европейской культурной эпохи. На одну минуту возможность подобныхъ недоразумѣній заставила насъ приостановиться и подумать, не слѣдуетъ ли заранѣе предостеречь читателя; но съ другой стороны мы вспомнили, что мы пишемъ не для дѣтей, а для людей зрѣлыхъ, умѣющихъ разсуждать и не нуждающихся въ томъ, чтобы имъ, какъ говорится, разжевывали каждое слово и каждое понятіе. Д. И. Иловайскій не удержался отъ возраженія, которое, прежде чѣмъ оно было сдѣлано, представлялось намъ ребяческимъ, и нужно отдать ему честь, на этотъ разъ сумѣлъ изъ ничего сдѣлать что-то внушительное, хотя посредствомъ сильнаго извращенія самаго смысла чужихъ словъ. Никогда я не высказывалъ въ видѣ общаго положенія или закона, что всякій народъ, принадлежащій къ Арийскому, или какъ я предпочитаю выражаться, къ Индо-Европейскому племени, непременно долженъ быть осѣдлымъ и земледѣльче-

скимъ и непремѣнно въ такомъ видѣ долженъ являться въ исторіи ¹⁾). Я вѣдь хорошо знаю, что не въ силу какой-нибудь дедукціи, не путемъ умозрительнаго вывода, равно какъ и не ради потребностей какой-нибудь случайной и фантастической домысленной теоріи — создано представление объ индо-европейской семьѣ и объ индо-европейскомъ культурномъ періодѣ, а выработаны эти понятія путемъ строгаго и внимательнаго изученія положительныхъ и многочисленныхъ фактовъ и явленій, представляемыхъ извѣстными языками. Я говорилъ не о законѣ, а о фактѣ и фактахъ. Цѣлый рядъ однородныхъ фактовъ, конечно, можетъ быть обозначенъ одною обобщающею формулою, однимъ понятіемъ; но эта формула или это понятіе будетъ заключать въ себѣ ни болѣе, ни менѣе того, что въ немъ есть, будетъ простирается только на тѣ частные факты, которые своею однородностью вызвали обобщеніе, а никакъ не на другіе посторонніе, хотя и смежны. Фактъ заключается въ томъ, что всѣ Славяне имѣютъ извѣстныя общія названія для домашнихъ животныхъ и для жилищъ построекъ; фактъ заключается въ томъ, что Греки и Латинны тѣ же самыя предметы обозначаютъ тѣми же самыми словами, нѣсколько видоизмѣненными согласно общимъ законамъ отношеній ихъ фонетики къ славянской; далѣе фактъ заключается въ томъ, что и въ санскритѣ, языкѣ древней Индіи, отыскиваются тѣ же самыя названія. Объясненіе этимъ фактамъ заключается въ томъ, что позднѣйшіе Греко-Латинны, Славяне и Нѣмцы, а также Индусы, жили пѣюгда вмѣстѣ и уже тогда съобща достигли извѣстной культуры, соединенной съ прочностію жилищъ, съ прирученіемъ извѣстныхъ животныхъ, что выражается терминномъ „пастушескій бытъ“ — въ противоположность кочевому; есть, сверхъ того, основанія, опять заключающіяся въ одинаковости словъ для одинаковыхъ предметовъ, предполагать, что и зачатки земледѣлія не были чужды этимъ вмѣстѣ жившимъ племеннымъ группамъ, составившимъ одинъ народъ (пранародъ), раздѣлившійся въ послѣдствіи на племена Арійское (Индусы и Иранцы), Славянское, Германское и т. д.

Вотъ что выражается понятіемъ объ индо-европейскомъ культурномъ періодѣ. Въ немъ участвовали тѣ племена и народы, которые

¹⁾ На стр. 605 опять указывается на кинное противорѣчіе мое самому себѣ и говорится, будто я не допускаю, чтобы кочевой народъ принадлежалъ къ Арійскому племени.

въ немъ участвовали; подобно всякому другому, этотъ періодъ имѣлъ свое начало и свой конецъ. Не только очень вѣроятно, но даже несомнѣнно, что этому періоду предшествовалъ другой, болѣе ранній. Періодъ совершенной дикости, когда не были извѣстны ни прочныя жилища, ни домашнія животныя, ни тѣмъ менѣе какое-либо земледѣліе, также существовалъ для индо-европейскаго пранарода и былъ имъ пройденъ въ незапамятныя, совершенно темныя для исторіи времена. Арійскіе кочевники дневнаго Турана, о которыхъ много разъ говорится въ статьяхъ Д. И. Иловайскаго, являются представителями этого періода первобытной дикости, оставаясь такими до сравнительно поздней эпохи, уже доступной историческому изученію. Они остались въ сторонѣ отъ того развитія, которое характеризуется начатками оскѣдности и прирученія домашнихъ животныхъ, и которое обозначается выраженіемъ индо-европейскій культурный періодъ. Если Скионы и Сарматы въ самомъ дѣлѣ относятся къ Арійскому племени, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ Иранскою его вѣтвью (господствующее воззрѣніе современной науки), то слѣдуетъ полагать, что они отдѣлились отъ общей массы индо-европейскаго пранарода гораздо ранѣе, чѣмъ Индусы, Греко-Латинны, Германо-Славяне и т. д.; можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ ведутъ свою родословную по прямой линіи отъ вышеозначенныхъ кочевниковъ Турана. Какъ бы то ни было, за отдѣленіемъ ихъ остался болѣе тѣсный кругъ, изъ котораго потомъ выдѣлились вышеозначенныя индо-европейскіе народы; въ этомъ болѣе тѣсномъ кругѣ развились до извѣстной вышеозначенной степени общая культура, и приобрѣтены соотвѣтствующій ей запасъ словъ, въ видѣ общаго приданого доставшійся Грекамъ, Германцамъ и Славянамъ. Понятіе объ индо-европейской семьѣ и индо-европейской первоначальной культурѣ составилось на основаніи изученія такихъ языковъ, которые доступны изученію, то-есть, или сохранились доселѣ, или оставили послѣ себя письменность. Языки Арійскихъ Туранцевъ, Скионовъ, Сарматовъ исчезли, не оставивъ послѣ себя памятниковъ, доступныхъ изученію; языкъ Алановъ, если онъ дѣйствительно сохранился въ нынѣшнихъ осетинскихъ говорахъ, только теперь дѣлается предметомъ изслѣдованія. Такимъ образомъ, употребляя выраженіе индо-европейское племя, рѣдко кто думаетъ при этомъ о темныхъ и отчасти все-таки сомнительныхъ относительно своего арійства Скионахъ и Сарматахъ. Когда теорія объ иранскомъ происхожденіи всѣхъ этихъ интересныхъ племенъ будутъ доведены до полной очевидности

и несомнѣнности, тогда, можетъ быть, понадобится какое-нибудь новое выраженіе для обозначенія болѣе широкой общности теперешнихъ индо-европейскихъ народовъ еще съ присоединеніемъ многихъ безъ вѣсти пропавшихъ. Съ точки зрѣнія культуры, не только теперь не представляется къ тому никакой надобности, но не предвидится ея и въ будущемъ—потому что тотъ періодъ, когда всѣ индо-европейскіе народы, или другими словами, ихъ прародители, составлявшие одинъ прарододъ, стояли на той же стѣпени, какъ арійскіе кочевники Турана, навсегда останется для насъ неосознаемымъ и неуловимымъ, почти совсѣмъ не существующимъ для науки. Д. И. Илювский говоритъ, что вопросъ о первоначальномъ обще-арійскомъ бытѣ усложняется еще тѣмъ, что, смотря по характеру природы, эпоху подвижныхъ жилищъ сопровождала или предшествовала эпоха пещерная, которая также имѣетъ свои разныя ступени быта и языка. Но, вѣдь, это опять образецъ путаницы понятій, которая вообще господствуетъ на первыхъ страницахъ его полемической статьи. Развѣ пещерная эпоха есть эпоха индо-европейская? Развѣ пещерныхъ людей Европы кто-нибудь считаетъ Аріями, а не остаткомъ другихъ первобытныхъ расъ? Повторяемъ, индо-европейское племя и особенно индо-европейскій общій культурный періодъ—самъ по себѣ, а Скиевъ и Сарматы—сами по себѣ. Славяне участвовали въ развитіи индо-европейской культуры, а Скиевъ и Сарматы не участвовали; въ славянскихъ языкахъ находится нѣкоторыя названія для ручныхъ животныхъ и для прочихъ жилищъ, общія съ санскритскими, — у Скиевовъ и Сарматовъ этихъ названій, конечно, не было, такъ какъ предполагается, что не было самыхъ предметовъ. Какая же послѣ этого логика господствуетъ въ разсужденіяхъ нашего оппонента? Я говорю, что Славяне — разумеется сами по себѣ и отдѣльно—никогда не были кочевнымъ народомъ. Онъ отвѣчаетъ, что Скиевъ и Сарматы были кочевнымъ и коннымъ народомъ. Я вижу въ этомъ два отдѣльные факта, но никакъ не вижу, чѣмъ одинъ изъ нихъ противорѣчитъ и мѣшаетъ другому. Что затѣмъ значить осторожное выраженіе о Цыганахъ, по языку только принадлежащихъ къ индо-европейскому племени? Ужели наконецъ, понятія объ обще-арійской (индо-европейской) и обще-славянской культурѣ до такой степени чужды автору "Разысканій", касающихся именно первобытной истории Славянскихъ племенъ, что онъ не можетъ говорить о нихъ, не искажая сущности дѣла и чужой мысли? Въ сущности, какъ это само собою разумеется, я утверждаю

не то, что Славяне никогда не были кочевым народом, а только то, что когда они были кочевниками, то еще не назывались и не были Славянами. Я никогда не выразился бы так, что Славяне в качестве Арийцев никогда не проходили кочевых ступеней; напротив, я полагаю и утверждаю, что Славяне прошли и оставили позади себя кочевья ступени именно в качестве Арийцев (индо-европейского пранарода), так, что когда выдвинулись и обособились из их среды, то уже были с самого начала племенем, знакомым с оседлостью, отчасти даже с земледелием; с этим они пришли в Европу из Азии. Мы полемизируем против теории, проповедуемой Д. И. Иловайским, что Гунны были Славянами, и опровергаем ее тем, что Гунны были совершенные кочевники, какими Славяне не были; нам, следовательно, нет тут никакого дела до того, что другие арийские (индо-европейские) народы могли жить хотя бы в той же Европе в кочевом состоянии: ведь это были не Славяне. Если Д. И. Иловайский доказывает только то, что Гунны были Арийцами, хотя подобно Аланам и были конниками, то он еще имел бы некоторое право сослаться на аналогию Скифов и Сармат. Но он доказывает нечто большее, доказывает, что Гунны были Славяне; и тут он несомненно впадает в сильнейшее, можно сказать, двойное противоречие с наукой, с самыми несомненными ее положениями. Земледельческий характер первообытной славянской культуры доказывается не только на почве сравнительного языковедения, но еще очевидно и наглядно на почве славянской филологии. Был период общеарийской (=индо-европейской) культуры, и еще несомненно был период общеславянской культуры: просо, пшеница, ячмень, рало, плуг, нива — слова, составляющие общее достояние всего славянского расы, тождественны во всех славянских наречьях, конечно, не случайно; они доказывают, что Славяне занимались земледелием еще в ту эпоху, когда жили все вместе, до своего раздвигания на разные ветви; все вместе и сообща они ушли в этом отношении довольно далеко. Д. И. Иловайский, стремясь заповорить выработанный наукой представления об общеарийской и еще более об общеславянской культуре, только потому, что они противоречат его гуннским теориям, созданным отчасти *in vasa Minerva*, продает свой товар весьма сомнительного достоинства ценою уже слишком дорогою. Чтобы доказать славянство Гуннов, которых источники представляют нам совершенными кочевниками

и конницами, не знающими ни постоянныхъ жилищъ, ни даже шалашей, не знакомыми съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи, Д. И. Иловайскому предстояло на выборъ: либо отрицать первобытность обще-славянскаго земледѣлія, либо отвергнуть всѣ свидѣтельства о кочевничествѣ Гунновъ. Мы удивляемся, почему онъ не предпочелъ втораго пути; съ Амміаномъ Марцеллиномъ все-таки легче справиться, чѣмъ съ цѣлою наукою сравнительнаго языковедѣнія. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, къ этому еще придетъ. Онъ уже приводитъ примѣры того, какъ кочевые народы занимались земледѣліемъ: „В. Г. Васильевскому осталось неизвѣстно то мѣсто въ русскихъ лѣтописяхъ, гдѣ говорится о сборахъ Мама въ походъ на Россію. Ханъ разослалъ такой наказъ: не пащите землю и не работайте о хлѣбѣ: будьте готовы на русскіе хлѣбы. Или пусть В. Г. Васильевскій потрудится заглянуть въ записки Юсафата Варбаро, и тамъ онъ найдетъ разказъ очевидца о томъ, какъ кочевые Татары сѣяли и собирали хлѣбъ“. Весьма жаль, что ничего подобнаго не извѣстно о Гуннахъ, что, напротивъ, о нихъ говорится, какъ о врагахъ Цереры (*vitanda Ceres*). Однако, здѣсь есть уже нѣкоторое основаніе, хотя поаналогіи, предполагать извѣстное знакомство гуннскихъ кочевниковъ съ земледѣліемъ; затѣмъ останется только болѣе трудная задача доказать, что кочевники бываютъ также и осѣдлы.

Опровергая мысль о несовѣстимости земледѣльческаго быта съ народными переселеніями, на что встрѣчаются намеки въ „Разысканіяхъ“ Д. И. Иловайскаго о Гуннахъ, я, съ одной стороны, указывалъ на Прокопія и Маврикія, свидѣтельствующихъ, что Славяне занимались земледѣліемъ именно въ періодъ своего передвиженія за Дунай ¹⁾, а съ другой — я считалъ нужнымъ сказать два слова по поводу нѣсколько двусмысленнаго выраженія въ разбираемой статьѣ о причинѣ передвиженія Готовъ изъ Черноморскихъ степей на Балканскій полуостровъ, будто бы заключавшейся въ томъ, что они (Готы) — не совсѣмъ вышли изъ кочеваго быта. У меня было сказано: „Въ IV вѣкѣ, ранѣе своего переселенія за Дунай, Готы имѣли уже переводъ

¹⁾ Весьма важно и характеристично также слѣдующее мѣсто у Менандра при разказѣ о событіяхъ 547 года (*Dindorf, Histor. minor II, 99*). Византіецъ, заключивъ союзъ съ Аварскими каганомъ противъ Славянъ, переправляетъ на лѣвый берегъ Дуная 60 тыс. аварскихъ всадниковъ, и эти послѣдніе начинаютъ мечъ *сала славянскія* и *опустошаютъ мѣл поля*: τὰς χῆμας ἐνεκίπρα τῶν Σκλαβητῶν καὶ ἐὼλετο τὸς ἀγροὺς.

священнаго писанія на свой языкъ, и языкъ Вульфиллы цѣлымъ рядомъ выраженій непререкаемо свидѣтельствуетъ о занятияхъ говорившаго имъ народа земледѣліемъ" (стр. 148). Посмотрите, что по этому поводу написалъ Д. И. Иловайскій:

„Противникъ мой указываетъ на то, что въ IV вѣкѣ существовалъ переводъ Св. Писанія на готскій языкъ, и судя по этому переводу Готы уже были знакомы съ земледѣліемъ. Неужели это возраженіе серьезное? Если бы оно, также какъ и предыдущее разсужденіе о кочевыхъ и осѣдлыхъ народахъ, не было подписано извѣстнымъ авторомъ, то я бы сего послѣдняго заподовѣрѣлъ въ томъ, что онъ не знаетъ ни исторіи, ни географіи. Въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ была уже довольно богатая переводная и оригинальная письменность и довольно развитая, культура, а гдѣ-нибудь на верхней Олѣ, слѣдовательно, не особенно далеко, племя Вятичей, судя по лѣтописи, еще не вышло изъ полудикаго состоянія. Можно ли отсюда заключить, что Вятичи и кіевскіе Поляне не были соотечественники? А если возьмемъ Вятичей за три вѣка назадъ, то-есть, въ эпоху перевода Св. Писанія на славянскій языкъ, то состояніе ихъ было еще болѣе дикое. Каково же оно было за восемь вѣковъ ранѣе, то-есть, въ эпоху перевода Св. Писанія на готскій языкъ. Вообще на переводъ св. Писанія уже потому нельзя ссылаться, что оно не рѣдко трудами миссіонеровъ переводится на языкъ дикихъ народовъ. А простой фактъ существованія письменности также не можетъ ничего рѣшать въ данныхъ вопросахъ" (стр. 589).

Я привелъ этотъ отрывокъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, кто-нибудь объяснитъ мнѣ его смыслъ и значеніе. Признаюсь, самъ я тутъ ничего не понимаю. Ни о какомъ простомъ фактѣ существованія письменности не было у меня никакой рѣчи; а была рѣчь о томъ, что тѣ же самые Готы, языкъ которыхъ свидѣтельствуетъ о занятіи земледѣліемъ, начали періодъ такъ-называемаго великаго (Германскаго) переселенія народовъ. О чемъ шла рѣчь, объ этомъ можно судить хотя бы по слѣдующему отрывку о переводѣ Вульфиллы въ одномъ изъ тѣхъ сочиненій, на которыя въ своей статьѣ мы намекали, не считая необходимымъ ихъ приводить:

„Die reiche Wörterfülle im Sprachschatz für alle im Ackerbau begnenden Objecte beweist, wenn es noch des Beweises bedürfte, dass damals (Ca. 350) schon viele Jahrhunderte den Ackerbau als wirtschaftliche Grundlage des gothischen Volkslebens gesehen hatten... Die Gothen führen mit nationaler Benennung den Pflug (hoha), düngen den

Acker (akrs) mit Mist (maihstus); sie saen (saian) den Samen (grain) sie „raufen“ (raupfan) die Aehre (ahsa) sie schneiden mit Sichel (gilpa), die Ernte (asans)“ и т. д.

Die Bibel bot nur für zwei Getreidearten Anlass, sie zu nennen: Gerste: baris, und Weizen; hvaitels; daraus wird der Laib: hlaibs gebacken“ (Dahn, Urgeschichte der germanischen Völker I, 431, 432; ср. Könige II, 14).

Вышеприведенныя разсужденія о Вятичахъ, очевидно, не относятся къ хлбу, но они представляютъ не единственный примѣръ замѣчающейся въ нашемъ оппонентъ наклонности озадачить противника неожиданнымъ какимъ-нибудь примѣромъ изъ русской исторіи, при чемъ не берутся въ расчетъ ни время, ни другія обстоятельства. Въ предыдущемъ отрывкѣ приглашеніе Татаръ Мамаемъ готовится на русскіе хлбы принято за чистую монету, понято въ буквальный смыслъ. Въ длинномъ разсужденіи о Роксоланахъ и Руси (стр. 600—603) опять исчезаетъ всякое различіе историческихъ и культурныхъ періодовъ. Д. И. Иловайскій то рекомендуетъ мнѣ посмотреть на Керченскія фрески, то желаетъ, чтобы я удосужился взглянуть на издание лицевой рукописи житія Бориса и Глѣба, чтобы увидать тамъ изображеніе древней русской конницы. Все это — ради того, чтобы доказать несущественность указываемаго источниками несходства между Славянами-пѣхотниками и Роксоланами-конными наездниками. Какъ будто мы отрицали когда-нибудь существованіе русской конницы въ XII или даже X столѣтіи! Но полагаемъ, что и въ XII вѣкѣ существовало нѣкоторое различіе между Славянской Русью и Половецкою ордою, между Полянами и Торками; и различіе это ясно обнаруживается въ источникахъ. Ясныя, положительныя слова Тацита и Прокопія, сопоставленныя съ показаніями Маврикія и Льва Діакона, непререкаемо свидѣтельствуютъ, что древніе Славяне сражались преимущественно или даже исключительно пѣшіе, тогда какъ древніе Роксолане были исключительно конники и наездники, то-есть, свидѣтельствуютъ о существованіи между двумя племенами такого различія, какое послѣ замѣчалось между Русскими Славянами и Половцами. Русское государство въ настоящее время имѣетъ конницу, и притомъ не малую, даже въ пѣхотѣ начальствующія лица выѣзжаютъ на коняхъ; но все-таки есть нѣкоторая разница даже въ этомъ отношеніи между Киргизами и Великороссами. Никакія умствованія не въ состояніи уничтожить прямого смысла и важнаго значенія словъ Тацита и Прокопія; мы

предпочитаемъ держаться источниковъ, и оставляемъ въ сторонѣ всѣ двѣнадцать пунктовъ Д. И. Иловайскаго, при помощи которыхъ онъ думаетъ отъ нихъ отдѣлаться. Легко было бы показать тщету подобныхъ усилій; но наша статья и безъ того превзошла предположенные размѣры, и потому мы ограничиваемся заявленіемъ, что какъ относительно этого пункта, такъ и остальныхъ, оспариваемыхъ Д. И. Иловайскимъ, мы остаемся при прежнемъ своемъ мнѣніи и совершенно отрицаемъ силу новыхъ возраженій и замѣчаній, изложенныхъ на страницахъ Русской Старины. Не могу я согласиться съ тѣмъ, что слова Генесія о происхожденіи Волгарь отъ Аваровъ и Хазарь будто бы имѣютъ только географическій смыслъ (см. стр. 597 Русской Старины); этому противится греческая грамматика, а также разъясненіе, даваемое Львомъ Діакономъ. Не могу я согласиться ни съ тѣмъ, что будто Маврикій раздѣляетъ всѣхъ современныхъ ему враговъ Византійской имперіи на племена Гуннскія или Свинскія, Славянскія и русыя или бѣлохурныя (Германскія) только по военнымъ приемамъ, ибо цвѣтъ волосъ не относится къ вооруженію, ни съ тѣмъ, будто наименованіе Хазарь и Аваровъ племенами Гуннскими допускается у лучшихъ византійскихъ писателей только вслѣдствіе перенесенія на побѣдителей имени покореннаго ими народа, обитавшаго въ нынѣшней южной Россіи; ибо выраженія гуннскія и Гунны вовсе не прикладываются у этихъ писателей къ мѣстностямъ южной Россіи, а прилагаются также къ сосѣднимъ съ Персіей на востокъ Турецкимъ племенамъ въ Азіи (Simocata, pag. 124 и passim): очевидно, что послѣдніе никакихъ Славянскихъ Гунновъ не покоряли... Не могу я признать аналогіи между сопоставленіями двухъ группъ: „Болгареи Славяне“ и „Славяне и Анты“ (см. стр. 597), ибо объ Антахъ прямо сказано (у Прокопія), что это тѣ же Славяне и говорятъ съ ними однимъ языкомъ, а о древнихъ Болгарахъ никто и никогда не нашелъ повода сдѣлать подобное замѣчаніе. Не вижу я, чтобы мнѣ вновь нужно было читать Амміана Марцелина для разъясненія обстоятельствъ смерти императора Валентиніана, и не пахожу я, чтобы Д. И. Иловайскій уже извлекъ всю возможную пользу изъ ознакомленія съ этимъ авторомъ; иначе онъ видѣлъ бы (см. стр. 604), что все одно—послы, которые поразили императора своимъ будто бы малымъ ростомъ и были ближайшею причиною его смерти, могли быть только Квадами, ибо Сарматы, хотя и участвовали въ возстаніи, но, по прямому указанію источника (то-есть, Амміана),—покорились и смирились ранѣе; даже

малорослыми эти послы сдѣланы у Осевана только вслѣдствіе неправильно понятыхъ выраженій Амміана Марцелина, сказанныхъ собственно о Квадахъ (XXX, 6, 1: *cumque membris incurvatis starent metu debiles et praestrici*). Не могу я считать остроумною или даже приличною ту выходку, которая читается на слѣдующей (605-й) страницѣ Русской Старины: „Мой возражатель продолжаетъ свою систему отважнаго отрицанія источниковъ. Амміанъ, изволите видѣть, по словамъ Моммсена, заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ болѣе ранней компиляціи, слѣдовательно, о Роксоланахъ опъ лжетъ“. Не о свѣдѣніяхъ Амміана вообще шла рѣчь, а только о географическихъ его отрывкахъ, происхожденіе которыхъ уже давно составляетъ научную проблему; не просто слова Моммсена въ данномъ случаѣ приходится принимать въ расчетъ, а нѣсколько специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу: самъ Моммсенъ обращался къ нему неоднократно, внимательно и послѣдовательно сравнивая тексты разныхъ географическихъ произведеній древности (см. въ нашей статьѣ стр. 153, гдѣ, впрочемъ, еще не все указано). Только человекъ, совершенно не посвященный, можетъ думать, что ученый анализъ и критика источниковъ равносильны съ отрицаніемъ ихъ; къ такому сонму ничего не понимающихъ диллетантовъ я никогда не думалъ причислять Д. И. Иловайскаго... Я полагаю, что еслибы мой оппонентъ захотѣлъ, то и самъ былъ бы въ состояніи рѣшить то недоумѣніе, которое, по его словамъ, непременно должно возникнуть у всякаго ученика относительно границъ Языговъ съ Роксоланами: „если Языги отдѣлялись отъ Роксоланъ только рѣкою Алютою, то какъ же между ними могла помѣщаться обширная Дакія? (стр. 605). Вмѣсто того чтобы объяснять эту мнимую географическую бессмыслицу слишкомъ поспѣшнымъ предположеніемъ объ испорченности рукописей, можно было догадаться, что, по представленію Іордана, Языги, — западные сосѣди Гепидіи-Даніи, и Роксолане — восточные, соприкасались и сходились своими предѣлами только на сѣверѣ Даніи, на чтѣ и сдѣланъ былъ намекъ въ моей статьѣ.

Наконецъ, я могу только поблагодарить Д. И. Иловайскаго за то, что вмѣсто разныхъ злыхъ намековъ, къ которымъ я не могъ иначе относиться, какъ съ полнымъ пренебреженіемъ, онъ теперь уже прямо выставляетъ противъ меня обвиненіе, хотя и не совсемъ идущее къ дѣлу, будто въ вопросѣ о Гуннахъ и Волгарахъ я руковожусь ненавистью къ Славинамъ и стремленіемъ умалить и уничтожить славянство, и будто при этомъ я слѣпо слѣдую мнѣніемъ А. А.

Куника. Могу успокоить почтеннаго историка Россіи. Ненависти къ Славянамъ я ни мало не обрѣтаю въ своемъ сердцѣ, и если уже на то пошло, если нужно спеціальнѣй ученый вопросъ возводить къ общимъ симпатіямъ и антипатіямъ, то я думаю, что мои выводы могутъ быть истолкованы въ болѣе благопріятномъ для Славянъ смыслѣ, чѣмъ теоріи Д. И. Иловайскаго, навязывающія имъ родство вовсе не особенно лестное. Доказывая выступленіе Славянъ на широкое и открытое поприще исторіи уже въ IV вѣкѣ въ лицѣ Гунновъ, Д. И. Иловайскій хочетъ прибавить имъ около двухъ столѣтій историческаго возраста, что еще менѣе похоже на какой-нибудь лестный комплиментъ. Народамъ, какъ и отдѣльнымъ лицамъ, иногда лучше быть и считаться молодыми, чѣмъ старыми; разные недостатки, иначе относимые къ племени и породѣ, и видимая отсталость отъ другихъ въ такомъ случаѣ объясняются разностию историческаго возраста, и на сторонѣ младшихъ еще остаются лучшія надежды будущаго. Если это недостаточно ясно, то мы отсылаемъ Д. И. Иловайскаго къ одной весьма интересной и очень важной книгѣ, гдѣ эти мысли развиты полнѣе и лучше: мы разумѣемъ сочиненіе В. И. Ламанскаго „Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра“. Въ вопросахъ о томъ, что служить къ чести славянства и что къ его умаленію, названный авторъ представляеть, конечно, авторитетъ выше всякихъ подозрѣній и сомнѣній, а я имѣю много основаній думать, что въ данномъ случаѣ мои мнѣнія не расходятся съ его взглядами. Могу при этомъ прибавить не безъ удовольствія, что и въ другихъ уже болѣе основныхъ вопросахъ, касающихся греко-славянскаго міра, я раздѣляю идеи, изложенныя въ означенномъ сочиненіи В. И. Ламанскаго. Это мнѣ, однако, совсѣмъ не помѣшаетъ заявить, что во всемъ томъ, что касается ученаго метода, ученой точности и добросовѣстности, я никогда не счелъ бы безчестіемъ для себя быть и считаться ученикомъ А. А. Куника; всякія попытки Д. И. Иловайскаго увязить меня съ этой стороны попадаютъ мимо цѣли. Я думаю, что и Д. И. Иловайскій, такъ много погрѣшавшій противъ уважаемаго академика въ своей полемикѣ по вопросу о происхожденіи Руси, могъ бы даже и теперь кое-чему поучиться у него ¹⁾. Наконецъ, я полагаю, что

¹⁾ Вотъ одинъ примѣръ, показывающій неправоту Д. И. Иловайскаго. На стр. 377 «Размсканіѣ» онъ обвиняеть А. А. Куника, что онъ продолжаетъ читать у Датмара *ex velocibus Danis* вмѣсто *подлиннаю* (будто бы) *Danis*. Этотъ упрекъ повторень и въ другой статьѣ на стр. 454: «Норманисты все еще настаи-

со всѣмъ этимъ соединимо должное уваженіе къ ученымъ и педагогическимъ заслугамъ самаго Д. И. Иловайскаго, и надѣюсь, что почтенный авторъ „Исторіи Рязанскаго княжества“, „Гродненскаго сейма“, „Исторіи Россіи“ извинить нѣкоторую рѣзкость моей противъ него полемики тѣмъ, что она направляется только противъ одного рода его трудовъ и противъ одной его книги. Хвалить одно и порицать другое въ одномъ и томъ же лицѣ не всегда бываетъ непослѣдовательностью.

вазюль на *Danaiz*, хотя по некоторымъ вариантамъ видно, что надобно читать *Danasez*, то-есть, Греновъ». Если задать себѣ вопросъ, откуда Д. И. Иловаискій взял свои *некоторые варианты*, то придется отвѣчать—изъ собственнаго воображенія. Для того чтобы оцѣнить по достоинству ученую точность и добросовѣтность Д. И. Иловайскаго, нужно припомнить, что вѣдь до насъ дошелъ самый автографъ сочиненія Дитмара, и что именно по этой рукописи оно издано въ Monumenta Pertha, гдѣ именно читается *Danaiz*, и что одинъ русскій ученый, занимавшійся специально Дитмаромъ (С. Я. Фортисскій, профессоръ Кіевскаго университета), самъ лично научилъ текстъ знаменитой [Дрезденской] рукописи, и при этомъ однако не нашелъ, чтобы тамъ читалось *Danaiz* вмѣсто *Danis*; иначе онъ не преминулъ бы захватить объ этомъ если не раньше, то по поводу своей рецензіи на книгу покойнаго Гедесона. А Д. И. Иловаискій увѣрять, что подлинное чтеніе *Danaiz*.

В. Васильевскій.